

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://marshaksamui1.ru/> Приятного чтения!

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак

ВОЙНА ТРЕХ ДВОРОВ

У меня было пальто с пелеринкой. Пелеринка надевалась на плечи поверх пальто и застегивалась на шее. Такое же пальто было и у старшего брата. Сшила нам обоим мама по старой заграничной картинке.

Мы с братом чувствовали, что мама затевает что-то неладное, когда она, вся в лоскутах и нитках, становилась перед нами на колени и принималась в десятый раз запахивать и распахивать на нас пальто, еще без пуговиц и рукавов. Мы стояли недовольные, часто моргали глазами и думали:

"На кого только мы похожи будем!"

И в самом деле, мы были ни на кого не похожи. Ни у одного мальчика – ни в городе, ни у нас на слободке – не было пелеринки. Мальчишки на улице не давали нам проходу.

Мы ходили в такую школу, куда надо было носить свою чернильницу. Чернильницы нам купили "непроливательные" – тяжелые баночки из толстого зеленого стекла с воронкой внутри.

Идем мы как-то с братом по улице осенью, когда уже холодеть стало. Шагаем по твердой земле, по самой середине улицы – чтобы собак у ворот не дразнить. Сумки у нас – через плечо, чернильницы в руках.

Вдруг слышим голоса, смех. Мальчишки играют в бабки. Пестрые, крашенные кости расставлены во всю ширину улицы. А один из мальчишек отбежал немного назад и целится в кости плоской свинцовой "биткой". Раз – и сшиб пару.

Брат осторожно перешагнул через ряд костей. Я тоже шагнул, но нечаянно задел бабку ногой.

Мальчишки рассердились. Один замахнулся на меня, а другой – в рваных штанах, рыжий, рябой – подскочил ко мне, скривил щеку и говорит:

– Разрешите перышко в вашу чернильницу обмакнуть – прошение в управу написать!

Я поднял руку с чернильницей, а он меня ударил под самый локоть. Покатилась моя чернильница боком по дороге. Хорошо, что не разбилась – из толстого стекла была сделана.

Брат закричал издали:

– Эх вы! На маленького напали!

Они – на него. Со всех сторон обступили. Дергают за полы пальто, за пелеринку, дразнят:

– Какой это у вас фасончик?

– Чего это вы юбочку на плечи надели?

Брат закричал не своим голосом:

– Дураки! Разбойники! Сумасшедшие арестанты!

И легонько ударил рыжего мальчишку левой рукой, – в правой у него была чернильница.

Мальчишки захохотали, сбили брата с ног и навалились на него всей кучей. Чернильницу у него сразу отняли и стали перебрасывать по всей улице, как мяч. Пропала чернильница, разбилась о камень. Я подскочил к рыжему и вцепился обеими руками ему в тело, – у него сзади в штанах была дыра. Рыжий разом обернулся,

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru поймал меня и прижал коленом к земле. Не помня себя, я заколотил ногами по земле и заорал на всю улицу.

И вдруг мальчишка отпустил меня и кинулся удирать. На бегу он успел крикнуть ребятам:

- Евдак... Те-кай!

Смотрю: за мальчишками гонится целая орава других мальчишек, а впереди этой оравы несется рослый парень в синей рубашке и в кожаном фартуке.

Тут и мы с братом замахали руками и пустились в погоню.

Жарко, весело. Улица пустая, широкая. Ноги в осенней траве путаются. Гоним мы мальчишек и такие слова кричим, что и сами в первый раз слышим.

До самого кладбища гнали. А потом постояли немного, посмотрели бегущим вслед и спокойно пошли назад.

Я иду рядом с большим парнем в кожаном фартуке и, задыхаясь от восторга и благодарности, спрашиваю;

- Это вас зовут Евдак?

- Меня.

- Какой вы сильный! Вас все мальчишки на улице боятся.

А он отвечает:

- Нет. Они только на нашей улице драться не смеют. На своей дерись сколько хочешь, а на чужой нельзя.

- А чьи они, эти мальчишки?

- С рязановского двора, кишечники. А сюда они ходят с нашими ребятами в бабки играть. Ну, бабки одно дело, а драться - другое. А вы чего такие чудные? - вдруг спросил он меня.

- Как чудные?

- Да вот польта на вас такие... Будто у певчих из костела. И чернильницы...

Он прыснул, отвернувшись в сторону. Его товарищи тоже засмеялись.

- Мы нездешние, - виновато сказал брат, - мы всего три дня как в этот город приехали.

- А вы русские? - спросил рыжий.

- Да, - сказал я.

- Нет, - сказал брат, - Мы евреи.

- Ну, это ничего, - ответил рыжий. - У нас во дворе тоже есть еврейчик, Жестянников Минька. Тут мы расстались.

Больше мы в пелеринках и шляпах не ходили, а чернильницы стали прятать в карман, - чернила из них не выливались.

Только это не помогло. Кишечники нас запомнили. Жили они совсем рядом с нами - на большом дворе с открытыми настежь воротами. Через весь двор была там протянута веревка, а на веревке висели сухие и легкие, как папиросная бумага, кишки и пузыри. Они шелестели от ветра и очень нехорошо пахли. Вся наша улица пахла кишками.

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
У ворот встретил нас как-то одноглазый мальчишка-кишечник. Он свистнул и сказал, озираясь по сторонам:

- Вам тут, на нашей улице, все равно не жить. Подкараулим и уьем.

Мы с братом очень перепугались и не знали, что делать. Большим жаловаться нельзя. Я отправился искать Евдака.

Сначала пошел по нашей улице, потом по переулку, потом по той улице, где была драка. Вот и ворота, откуда выскочили сапожники. В самом конце двора маленький домик. По двору бегают мальчишка, смуглый, краснощекий, и ловит, подбрасывая на бегу, гимназическую фуражку без герба.

- Злые тут у вас собаки? - закричал я издали.

- Не кусаются, - отвечал мальчишка. - А вы до кого, до портного или до сапожника?

- Як сапожнику, - сказал я, - а вы кто?

- Мой отец портной Жестянников, а я Минька.

Он показал мне дверь к сапожнику. Я вбежал и оробел. У перевернутого ящика сидели на скамеечках мальчишки, а среди них сам сапожник. Глаза у сапожника были наполовину закрыты, а лицо у него все заросло бровями, усами и бородой. Когда я вошел, Евдак весело колотил молотком по большому и неуклюжему сапогу, из которого торчали деревянные гвозди, а другой мальчишка чистил грязными руками картошку.

Сапожник хрипло кашлянул и спросил:

- Вы от кого?

Потом приставил руку к уху и сказал нетерпеливо:

- Ась?

Я не знал, что отвечать. Мальчишки засмеялись, а Евдак покраснел.

- Они до меня, - сказал он, вставая. Потом взял меня за плечи и выпроводил на двор. Там я наконец перевел дух.

- Евдак, - прошептал я, - знаешь, тот кишечник, одноглазый, сказал, что подкараулит нас и уьет.

- Ладно, - ответил Евдак хмуро, - коли что, покричи меня, - я приду.

- Да! - сказал я. - А ты думаешь, он будет ждать, пока ты придешь. Ведь от тебя до нас очень далеко.

- Где же далеко, - засмеялся Евдак, - наш забор напротив ваших ворот. Вот иди сюда.

Он повел меня к забору за домом. На заборе сидел Минька.

Я тоже вскарабкался на забор и увидел через дорогу наши ворота.

- Евдак, - сказал я с забора, - завтра воскресенье. Приходи к нам.

Евдак молчал.

- И вы тоже приходите, - сказал я Миньке.

- Хорошо, придем оба, - сразу ответил Минька за себя и за Евдака. Завтра утром придем.

- У нас книг много, - сказал я на прощанье, перелезая через забор, есть интересные, с картинками.

- Ладно, не обманем! - сказал Минька.

И в самом деле, на другой день пришли оба.

У нас было две комнаты - столовая с большой лампой и столом, накрытым скатертью, и другая комната, где ночью все спали, а днем занимались мы с братом. Минька, не снимая в комнатах фуражки, бойко разговаривал с нашей мамой. А Евдак молчал и на мамины вопросы отвечал очень тоненьким голоском.

Только потом, когда мы заперлись в спальне, он повеселел и заговорил своим голосом. Мы достали с полки очень большую и очень толстую книгу с картинками. Евдак не знал, что такие книги бывают на свете, и спросил:

- Это ваша еврейская книга?

- Нет, это русская, называется журнал, - сказал я.

Мы все взобрались, поджав под себя ноги на сундук и стали перелистывать удивительную книгу. Скоро книгой целиком завладел Минька. Он и переворачивал огромные страницы, и читал подписи под картинками. Читал неверно: первые буквы кое-как прочтет, а остальные сам выдумает.

- Караван в Монпасье. (В книге было сказано: "Карнавал в Монпелье".)

- Пожар в Соединенных Штатах.

Мы все очень смеялись над Минькой.

В этот день наша мама собиралась в город. Она вызвала меня и брата в другую комнату, показала, где в буфете находится печенье для гостей, а на прощанье сказала:

- Только по улице не гоняйте. Там вас мальчишки поколотят. Сегодня праздник, - они все за воротами.

Мама ушла. Мы сразу поели все печенье. Потом Минька сказал:

- Давайте в казаки-разбойники!

Мы побежали на двор. Только успели мы сосчитать, как услышали свист. Оглянулись - у нас на дворе чужой мальчишка стоит, одноглазый кишечник!

На его свист ответили свистом на улице.

- Вы чего тут стоите? - спросил брат.

- Мы не до вас, - вежливо ответил ему одноглазый. - Мы до их.

И он указал на Евдака с Минькой.

- До нас? - закричал Минька, расстегивая свой толстый кожаный кушак с медной пряжкой.

- Постой, Минька, - сказал Евдак, - не кипятись. А чего вам от нас надо?

- Вы чего на нашу улицу ходите? - спросил одноглазый, беспокойно озираясь.

- Здесь не улица! - закричал Минька, - тут чужой двор. Ждите нас у фортки на улице, не убежим!

Евдак поднял с земли большой кирпич и повернулся к одноглазому боком.

А из-за дома крались уже длинной цепью мальчишки.

Тут был и рябой, и другие кишечники. Человек семь, а то и больше. У всех были в

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
руках рогатки, колья из плетня и кирпичи.

- Вон их сколько, - сказал Евдак задумчиво. - Текать надо.

Брат шепнул нам всем:

- На старый завод! Там спрячемся.

В конце двора за деревьями был у нас недостроенный и давно заброшенный завод. Кажется, пивоваренный. Широкие двери его были заперты. В завод можно было проникнуть только по шаткой лестнице, которая вела на чердак.

Не поворачиваясь, мы стали медленно и незаметно пятиться к заводу. Впереди нас прыгал, будто гарцевал на коне, Минька, отстреливаясь обломками кирпича. У него самого было уже поранено ухо, - кровь ниточкой текла за воротник. Минька сам не замечал этого, а я, как только увидел у него кровь, начал плакать.

- Жидовская команда, - кричали кишечники, - Минька - жид! Евдак жидовский казак! Идите сюда, свинью резать будем, салом губы намажем!

Но мы были уже у лестницы. Я никогда на нее не решался взобраться, а тут полез. Евдак с Минькой и брат задержались немного. Перед лестницей они нашли груды битых кирпичей. Набрал сколько можно было в карманы и в полы рубах, они полезли за мной. Мы добрались до небольшой площадки без перил. Посмотрели вниз - страшно. Я сунулся было в открытую дверь на чердак, но там было еще страшнее: никакого пола не было, и только несколько балок отделяли чердак от нижнего помещения. Одна из балок шла от самого порога к той двери, что была на противоположной стороне. Я кое-как уселся на пороге. Рядом примостились Евдак, Минька и брат. Площадка была ненадежная, оставаться на ней было опасно: того и гляди, рухнет.

Внизу бесились кишечники. Они извивались, корчились, показывали нам свиное ухо, зажав полу рубахи в кулак.

- Жидовская крепость! - кричали они. - Вот мы сейчас вас оттуда вниз побросаем!

У лестницы они нашли целый склад артиллерийских снарядов - груды кирпичей. Кирпичи полетели в нас.

- Ребята! - сказал Минька. Он был до того красен, что рядом с ним было жарко стоять. - Ребята, я проберусь по балке туда (он указал на дверь по другую сторону чердака), слезу...

- Там нет лестницы! - перебил его брат.

- Ничего, как-нибудь сползу... Домой сбегая и живо наших ребят позову. А вы все оставайтесь здесь, кричите и камни бросайте, чтобы они не видели, как я слезать буду.

- Почем кишки, - закричал он вниз. - Эй, вы, кишечники, дохлую собаку съели, кишки продали!

Не давая врагам опомниться, Евдак продолжал за Миньку:

- У нас на дворе старая кошка сдохла! За пятак продам. Кишки первый сорт! Кошачьи кишки, кошачьи кишки!

Мальчишки внизу совсем одурели и все разом полезли на лестницу. Евдак и брат выбежали на площадку и запустили в них десятком кирпичей. Лестница зашаталась. Несколько раз мальчишки брали ее приступом, но дальше середины не двинулись.

А Минька в это время полз на брюхе по чердачной балке, обхватив ее руками и ногами. Внизу под ним были пустые железные баки. Сорвись Минька, он бы расшиб голову.

У нас почти кончился запас кирпичей. Евдак сказал нам:

- Залезайте на чердак, ребята, мы дверь запрем, - тут и крючок есть.

Я на четвереньках попятился с порога на балку. Вот когда страшно стало! Я сидел верхом на бревне, держась руками за порог. Мне казалось, что балка подо мной качается, как лодка.

- Подвинься! - сказал брат. - Дай и мне сесть.

- Не подвинусь! - заревел я. - Я и так падаю!

Брат перелез через меня. Мы оба чуть не полетели вниз.

Наконец Евдак захлопнул дверь и накинул крючок.

Стало темно. Свет шел только с противоположной стороны. Там у открытой двери сидел Минька. Он, видимо, обдумывал, как ему спуститься без лестницы. Вдруг он повернулся спиной к выходу, ухватился руками за порог и спустил ноги. Потом он исчез.

Тут заколотили в нашу дверь - кулаками, ногами, камнями, палками. Мне показалось, что бревно подо мною треснуло.

- Евдак! - закричал я, - открой дверь! Слышишь, Евдак! Я не могу держаться больше! Я упаду!

- Ничего, я тебя держу, - ответил Евдак, крепко обхватывая меня рукою и дыша мне в шею. - Не упадешь.

Дверь стали рвать. Попробовали подсунуть под нее палку.

И вдруг мы услышали снизу рев. Будто голосов стало гораздо больше, чем прежде. Будто весь двор полон народу. Дверь перестали рвать. Палка так и осталась в щели.

- Текай! Текай! - закричали на площадке. Заскрипела, затрещала лестница от топота.

Евдак открыл дверь, и мы вылезли опять на площадку. Видим, мальчишки бегут, кто куда. Рябой барахтается на земле. Одноглазый сидит на заборе, а Евдаков товарищ - сапожник - его за ногу держит. Минька носится по двору, размахивает ремнем и орет:

- Не пускай к забору! Гони назад! Держи ворота!

Когда мы спустились по лестнице, никого на дворе уже не было. Кишечникам удалось прорваться на улицу. Минька с сапожниками гнал их до кладбища.

Жалко, что мне не пришлось гнать их на этот раз. Очень это весело мчаться по дороге за убегающим врагом. Когда я выбежал за ворота, толпа была уже далеко. Только звериный вой разносился по всей улице.

После этого кишечники нас больше не трогали. Как-то подошел к нам на улице рябой и сказал, что он с одноглазым поссорился и больше компании с ним водить не будет.

А в другой раз подошел к нашим воротам сам одноглазый и стал вызывать меня и брата знаками на улицу. Мы вышли.

- Не найдется ли у вас, - сказал одноглазый тихо и мирно, какой-нибудь плохонькой, завалящей книжки? Почитать охота.

Мы вынесли ему журнал с картинками.

Он взял книжку и спросил:

- А вы евреи?

- Да, евреи, - сказал я; на этот раз я не побоялся сказать правду. - А зачем ты спрашиваешь?

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru

- Я хочу еврейской грамоте учиться. Очень мне жида нравятся!.. А вы скажите Евдаку и Миньке, чтобы они меня не трогали.

- Ладно, скажу, - обещал я.

С тех пор мы больше не дрались. А с Евдаком я до сих пор дружен. Он в Ленинграде на "Скоророде" работает. Миньку на войне убили.

ГОРБУН

А недалеко от нас была церковь, высокая, белая. Несколько раз в день она громко-громко звонила. Звон ее, казалось, наполнял все пространство между небом и землей. А место у нас было тихое. Только петухи пели по дворам да люди разговаривали через улицу, да коршун изредка кричал с неба, летая над городом.

Когда звонила церковь, ничего не было слышно во всем городе, кроме звона. Церковь с колоколами, как гроза с громами, заглушала все, что было вокруг и внизу.

Я слушал, и мне казалось, что колокола что-то говорят. Ведь не болтают же без смысла люди, когда говорят много часов подряд, не уставая и не путаясь, когда спрашивают и отвечают. Но колокола говорили непонятно, не по-русски, а скорее всего так, как разговаривали пекаря в пекарне по-турецки или по-татарски - млы, блы, бом, дзын.

Мальчишки, с которыми я бегал, знали, когда звонят к вечерне, когда - к обедне. Митрошка-кишечник и сам звонил раз - должно быть, в самый маленький колокол. А я не знал, что такое обедня и вечерня, потому что я был еврей (я думал, что обедня это такая долгая, спокойная, сытная, как обед, молитва). Мне совестно было спрашивать мальчиков об этом - я даже немного побаивался церкви и церковного звона. В будни никто на нашей улице не помнил, что я еврей, а в воскресенье и в праздник все мальчишки в новой одежде ходили в церковь, а я один с прорехами в штанах стоял у забора и от нечего делать рубил палкой головы лопуху и крапиве.

Внутри церкви я, кажется, никогда не заглядывал. А может быть, мимоходом, вскользь я как-нибудь и заглянул, потому что смутно помню много золота и серебра в темноте и чей-то спокойный, громкий, гудящий голос, который казался мне голосом великана.

Мальчишки на улице называли меня жидом. Они все были православные. Мне казалось, что они сами себя так называли из самохвальства. Славным называют человека, когда хвалят его. Правым бывает тот, кто говорит и поступает, как надо. Они, значит, и правые и славные. А что такое жид? Жадина, жаднюга, жила - вот что это такое.

Я не знал, как мне дразнить русских мальчишек. Никто на нашей улице еще не придумал для них обидной клички. А если сам выдумаешь, кличка не пристанет. Мой старший брат читал книжку об инквизиторах. Это такие монахи, которые судили [и] жгли хороших людей на кострах. Самого злого инквизитора звали Торквемада.

И вот, когда Митрошка-кишечник начинал дразнить меня жидом, я кричал ему, сжимая кулачки:

- Инквизитор! Инквизитор! Торквемада!

Но Митрошка только смеялся.

В воскресенье у Митрошки и у всех был праздник. Об этом громко и весело на весь мир болтали и гудели колокола. И когда ударял большой колокол, мне казалось, что сверху на головы роняли длинную и прямую рельсу, и она звенит, падая и выпрямляясь. Вся земля дрожала от звона.

В такие дни я к Митрошке и не лез. Колокольня со всеми колоколами, земля, небо, воздух - все было в эти дни за него. Много людей шло по нашей улице к церковной площади, и все они были, конечно, православные. А я был по праздникам совсем один. Правда, у меня был верный товарищ, мой старший брат, но он не запускал змея, не гонял голубей, не играл в бабки, как православные. Он почти всегда читал книжки. У него был целый сундук с книжками. Он часто забирался в этот

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
сундук с ногами и разглядывал свои сокровища, как скупой рыцарь.

Был у меня и другой приятель, Митрошкин брат. Мне было восемь лет, а ему двадцать, но мы были с ним одного роста. Мы не ходили друг к другу в гости, а встречались у низкого плетня, отделявшего его огород от нашего двора. Он стоял по одну сторону плетня, я по другую.

Голова у него была закинута назад. На голове – новенький картуз с блестящим козырьком. Все лицо будто истыкано иголкой – это от оспы. Глаза закрыты, как у спящего, – только ресницы часто-часто дрожат. Он был слепой. А маленьким он остался оттого, что у него выросло два горба – спереди и сзади.

Никто не знал его имени, – звали его на улице просто "Слепой" или "Горбатый". Мальчишки звали еще конопатым.

Его всегда можно было найти у плетня. Он стоял там прочно, будто вкопанный в землю. Когда мне становилось скучно, я бежал к плетню и видел издали новенький синий картуз с блестящим козырьком.

Горбун меня ждал. Мы говорили с ним друг другу только приятные вещи. Мы жаловались друг другу на Митрошку и на других мальчишек-босяков. Мне они мазали губы салом, то есть не мазали салом, а просто терли мне губы кулаком, говоря, что в кулаке сало. А у слепого они стаскивали с головы картуз и вырывали из руки короткую суковатую палку.

Слепой соглашался со мною. Я тоже с ним никогда не спорил. Нам с ним было хорошо, до того хорошо, что у меня горло сжималось и дух захватывало. Я любил, когда со мной разговаривают терпеливо и ласково, а слепой был добрый и спокойный человек. Делать ему было нечего, и он никуда не торопился.

Я рассказывал ему об инквизиторах и спрашивал, волнуясь:

– Разве это хорошо жечь людей, которые совсем не виноваты?

Слепой у себя дома говорил по-хохлацки, а мне он отвечал по-русски пронзительным, но сдавленным голосом, как утка крикает.

Солнце палило, и мне казалось, что ресницы у слепого закрыты оттого, что он греется и нежится, как наша кошка, которая сидит зажмурившись на крыльце.

На колокольне звонили повсюду. Казалось, звоняря вот-вот раскатают вместе с колоколами и высокую колокольню, и всю нашу церковную площадь. Но уши привыкали к этому медному звону, и у плетня было совсем тихо...

Три двора воевать перестали. Кишечники больше нас не трогали. Евдак был занят, – он работал с утра до вечера, а по вечерам уходил к матери, которая служила на хуторе.

Горбун заболел. Отец его, огородник, пришел домой пьяный и отодрал Митрошку за какое-то злодейство. Заодно досталось и горбуну. Однажды под вечер на огороде послышался вой. Гляжу – бежит Митрошка. Никто за ним не гонится, а он, согнувшись, несется по огороду и, надрываясь, кричит. Так визжит на бегу собака, когда ее больно ударишь камнем. Потом я услышал другой голос, незнакомый, скрипучий, плачущий. Это в первый раз плакал мой друг – горбун.

После отцовских побоев он слег, – вернее, сел, потому что он не лежал, а почти сидел на кровати.

В это самое время, когда я одиноко слонялся по двору, что-то загрохало, затарахтело на улице. К нам в калитку вошел мужик, отпер ворота и ввел под уздцы лошадь, которая тянула за собой воз с узлами, стульями, зеркалами, горшками и ведрами. Стулья были не венские, гнутые, как у нас, а мягкие, с высокими спинками, зеркала большие, в деревянных рамах, а на самом верху клади покачивалась клетка с несколькими птицами. За возом шел человек в длинном пальто и мягкой шляпе (так у нас на улице никто не одевался). У него были темные густые усы и маленькая клинышком бородка. Говорил он с извозчиком печальным голосом и все время тихо, успокоительно покашливал. Такие голоса бывают у священников.

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
Наша семья занимала только небольшую часть длинного одноэтажного дома во дворе. Недалеко от нашей простой белой двери была другая дверь, обитая зеленой клеенкой и всегда закрытая. Теперь ее открыли. Я стоял у воя и смотрел, как перетаскивали в дом зеркала, стулья, столы. Я даже принял участие в работе – занес в квартиру одно ведро и клетку с птицами. Человек в шляпе спросил, как меня зовут, и дал мне серебряный двугривенный.

Вечером, когда я лежал уже в постели, прислушиваясь к тому, как двигали мебель за стеной, опять послышался на дворе скрип колес и топот копыт. Потом женские голоса. Я не скоро заснул в этот вечер, а рано утром, когда все спали, был уже на дворе. Соседская дверь была закрыта. Около нее стояло ведро с углем и открытый ящик с растрепанными книгами без обложек и переплетов.

Я дождался минуты, когда из двери вышел вчерашний человек без пиджака, в подтяжках. Потом вышла сонная старуха с опухшей щекой и вынесла пустой и холодный самовар. Потом показалась женщина помоложе, толстая, в мелких рыжеватых кудряшках.

Эта женщина сказала:

– Павел, а ведь место-то тут сыроватое.

Человек с бородкой ответил ей, тихо покашливая:

– Ничего, Саша, вот только пустим завод, так сейчас и переедем в город. А здесь у нас будет конторка и комнатка для меня при заводе.

Скоро они оба зашли в дом, а старуха стала разводить самовар.

Я уже хотел было вернуться домой, чтобы рассказать брату обо всем, что я видел и слышал, как вдруг дверь опять открылась и через порог легко перескочила девочка лет двенадцати в голубом платье.

В соседних дворах было много девочек, но такой я еще не видел. Не то, чтобы платье на ней было лучше, чем у других девочек, – платье было самое обыкновенное, хоть и голубое. И сама она была, я думаю, не какая-нибудь особенная. Только очень новая, незнакомая. Я еще был босой, неумытый и заспанный, а она уже гладко причесана и чисто одета, будто собралась в город.

Выйдя из дому, она было пустилась вскачь, но потом, увидев меня, важно нахмурилась, отвернулась в сторону и пошла по дорожке среди травы спокойным шагом. Я издали следил за ней.

Она дошла до старого завода, поднялась по шаткой лестнице на площадку без перил. Заглянула в открытую дверь чердака, а потом, не поворачиваясь, попятилась к краю площадки.

– Упадете! – хотел я крикнуть ей, но было уже поздно: она упала. Как она падала, я даже не заметил. Услышал только визг, а потом что-то негромко шлепнулось в траву. Подбегаю – она лежит и молчит. Глаза закрыты. Расшиблась, умерла. Я заорал во все горло, сам не помню что. Она вскочила, прижала обе ладони к моим губам и шепчет:

– Молчи, дрянь, молчи, дрянь.

А у самой по щекам бегут слезы и губы в крови.

Я замолчал.

Она стерла кровь с губы и стала осматривать себя со всех сторон. Не себя осматривала, а одежду. На одной ноге у нее оборвалась подвязка, чулок спустился. На платье пояс разорвался.

– Мальчик, – сказала она, – ты можешь иголку с белой ниткой достать?

– Могу, – говорю я, – но у вас кровь с губы бежит, надо позвать кого-нибудь.

– Не надо никого звать, – отвечает она сердито. – Я губу прикусила, когда

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru падала. У тебя есть платок, мальчик? А то я свой пачкать не хочу, чтобы дома не узнали. А ты скажешь, что через забор лез и ногу поцарапал. Вон у тебя и, правда, царапина на ноге.

Я дал ей платок. Она помочила его в бочке, которая стояла под ржавой водосточной трубой, и приложила к губе. Потом вытерла все лицо и, наклонившись над бочкой, стала глядеться в воду, как в зеркало.

Я украдкой раздобыл дома иголку с белой ниткой и живо принес девочке. Она успела уже привести в порядок смятое платье и пригладить волосы.

- Как вас зовут? - спросил я ее.

- Шурой зовут, - сказала она, - а ты отвернись, пожалуйста.

Через несколько минут все было пришито.

- Слушай, мальчик, - прошептала она, наклоняясь к самому моему уху. Если ты кому-нибудь скажешь, что я слетела сверху, я тебе...

Она подумала немного, а потом сказала:

- Я с тобой навсегда посорюсь...

Она опять подумала, потом схватила мою руку и поднесла ее к моему лбу.

- Перекрестись, что никому не скажешь.

Я был очень испуган и готов был поклясться всем святым, что никому не скажу. Но перекреститься я не мог. В нашей семье никто никогда не крестился.

- Я не умею, мне нельзя, - сказал я ей.

- Как не можешь? - Спросила она гневно. - Ты что, креститься не умеешь? Разве ты собака или кот, а не человек?

И она громко рассмеялась.

- Ну ладно, - сказала она потом и стала озабоченно рыться в кармане платья.

- Вот что, мальчик. Хочешь, я тебе подарю зеркальце? Видишь, тут круглая крышечка, она отодвигается и опять задвигается. А когда я пойду в город, я тебе куплю пистолет и пистоны или коробку папирос.

Я отказался от зеркальца, пистолета и папирос. Я поклялся ей, как умел, что до самой своей смерти никогда никому не скажу о ее падении.

Тогда девочка взяла меня за плечи и сказала, улыбаясь сквозь слезы:

- Ты очень хороший мальчик. Я тебя люблю. - И она крепко поцеловала меня в щеку.

Она выстирала в бочке мой платок и разостлала на траве сохнуть.

Так я познакомился с Шурой.

Это была та самая Шура Ястребова, из-за которой в продолжение многих лет шла потом между тремя дворами ожесточенная война.

ВТОРОГОДНИК БАЛАНДИН

Толстый преподаватель истории и географии в синем сюртуке с золотыми пуговицами и золотыми наплечниками шел вприпрыжку по коридору гимназии. Впереди него бесшумно скользил, низко наклонив голову, батюшка в рясе. Перед батюшкой мчался во весь опор высокий и стройный немец, размахивая левой рукой, а правой прижимая к груди классный журнал в гладком черном переплете.

Все они шли из учительской в классы. Двери комнат по обе стороны коридора были широко открыты, а у дверей стояли дежурные ученики. В начале коридора - усатые

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
молодые люди, дальше – подростки, а еще дальше пухлые мальчики. Вот исчез немец, и за ним быстро закрылись двери одной из комнат. Там сразу стало тихо, между тем, как в соседних комнатах еще хлопали крышками парт и ревели, как в зверинце.

Преподаватель географии подошел ко второму классу. Чистенький мальчик, смуглый, почти черный, встретил его у дверей и шаркнул ножкой:

– Здравствуйте, Павел Павлыч.

– А, Курмышев! – ласково прогудел Павел Павлович и погладил мальчика широкой ладонью по стриженной голове.

Павел Павлович влетел в класс, подпрыгивая, как на рессорах. В комнате было светло и весело. Тридцать семь гимназистов с шумом поднялись со своих мест, в последний раз стукнув крышками парт. Павел Павлович тяжело взобрался на кафедру, блестящую, как новенький цилиндр, и раскрыл журнал.

Курмышев стоял у кафедры, как стрелочник у паровоза. Он читал листок:

– Отсутствующие – Барабанов, Гарбуз, Зюус, Мироносицкий, Панчулидзе, Расторгуев и Цыпкин.

Павел Павлович взял в пухлые пальцы перо и что-то записал в журнал.

Не успел Курмышев добраться до своей парты, как с кафедры прозвучал густой бас Павла Павловича:

– Курмышев!

Курмышев вернулся к кафедре.

– Откройте окошко, – сказал Павел Павлович.

Курмышев влез на подоконник и с треском открыл окно. Окна открывались в первый раз этой весной. Подул ветер и зашелестел географическими картами. В класс ворвался из сада посторонний голос:

– Мишенька! Мишенька! Вернись! – кричала в саду женщина.

В классе засмеялись.

Павел Павлович грозно посмотрел на класс и сказал:

– Если так, господа, сидите при закрытых окнах. Курмышев!

Курмышев, который еще не успел слезть с подоконника, захлопнул окно.

– Теперь Павлушка рассердился – резать будет, – сказал Курмышеву мальчик на передней парте. – Он свежий воздух любит, а в классе духота.

И правда, Павел Павлович сидел на кафедре и тяжело дышал.

– Чем это у вас здесь пахнет? – сказал он, нюхая воздух. – Дежурный!

– Не знаю, Павел Павлыч, – сказал Курмышев.

– Говорите, что у кого на завтрак. У тебя? – ткнул он пальцем мальчика на первой парте.

– Пирог.

– У тебя?

– Жареная печенка.

– У тебя?

– Бутерброд с колбасой.

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru

- У тебя?

- Яичница, - сказал смущенно толстый мальчик, сидевший в конце класса на "Камчатке". Весь класс захохотал.

- Яичница! - передразнил Павел Павлович, - завтракали бы дома, а то превращают класс в кухмистерскую. Яичница!

Классу стало весело.

- Дудкин суп в класс принес! - крикнул кто-то.

Павел Павлович встал во весь рост.

- Кто это сказал? - спросил он.

Все молчали.

- Кто сказал про суп?

Никто не отзывался.

- В таком случае Дудкина вон из класса, пока виновный не сознается.

Дудкин направился к двери.

- А ну-ка вернись! - закричал Павел Павлович, когда Дудкин уже закрывал за собой дверь.

Дудкин вернулся.

- Ты что это сделал ногой, когда выходил?

- Ничего, Павел Павлович.

- Это у него походка такая, Павел Павлович, - крикнул с места Баландин.

- Я тебе покажу, как колени выкидывать, - сказал Павел Павлович. Сейчас же ступай вон до конца урока. И ты, Баландин, тоже.

Рыжий, веснушчатый Баландин встал и медленно пошел между партами, незаметно задевая на ходу товарищей.

- Быстрее! - крикнул Павел Павлович.

- Я быстрее не могу, - буркнул Баландин. Он вышел наконец из прохода между партами и, описывая дугу, медленно направлялся к выходу.

Гимназисты давились от смеха.

- Ну и Баланда! Вот так рыжий!

Павел Павлович пристально смотрел на Баландина, Баландин на Павла Павловича. Вдруг Баландин упал на пол.

- Что это? - спросил Павел Павлович. - Ты издеваешься, что ли?

Баландин встал, сморщил гримасу и стал тереть колено.

- Я подскользнулся, Павел Павлович.

- Поскользнулся? Вот ты у меня поскользнешься в последней четверти! Иди-ка отвечать за весь год.

Этого никто не ждал. В классе затихли.

- Павел Павлович, - сказал Баландин серьезно, - вы ведь обещали не спрашивать

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
меня эту неделю. Я ведь обещал вам подготовиться к следующему понедельнику. Я
лучше выйду из класса, Павел Павлович.

Павел Павлович злорадно улыбался.

- Нет, дорогой мой, все равно перед смертью не надышишься.

Стоя, он раскрыл толстый журнал и, с шумом перелистывая страницы, стал читать:

- Баландин... Отсутствовал... Отсутствовал... Отсутствовал. Ел на уроке...
Свистел... Сидел на полу... Отказался от ответа по причине желудочного
расстройства... Отказался отвечать ввиду смерти бабушки... Явился в гимназию в
порванных брюках...

Павел Павлович раскрыл другой журнал - потоньше, и прочел:

- Баландин... Три с минусом... Четыре с минусом... Два с минусом... Единица...
Единица... Единица...

- Павел Павлович, - сказал Баландин, - спросите меня послезавтра.

- Так, - сказал Павел Павлович, усаживаясь на блестящий венский стул.
Послезавтра? Это мне нравится. А может быть, послепослезавтра, господин
Баландин, а может быть, послепослезавтра? Нечего разговаривать, извольте
отвечать.

Баландин успокоился, сжал губы и шагнул к карте. Карта была немая - без
надписей.

- Какие вы знаете полуострова? - спросил Павел Павлович, раскачиваясь на стуле.

Баландин, глядя в сторону, угрюмо пробормотал:

- Кольский, Канин, Скандинавский, Ютландия, Пиренейский...

- Недурно для начала, - сказал Павел Павлович, - а не укажете ли вы мне на карте
полуостров Канин?

Баландин повернулся к огромной разноцветной карте и обвел рассеянным взглядом
все части света.

- Возьмите указку и покажите.

Баландин взял тонкую палочку, покрутил ею в нерешительности, а потом куда-то
ткнул.

- Это интересно, - сказал Павел Павлович, торжественно вставая со стула и
подходя к краю кафедры. - Покажите еще раз полуостров Канин.

Баландин ткнул в другое место карты.

Павел Павлович радостно улыбнулся.

- Вот оно что. Значит этот полуостров переезжает с места на место, ведет кочевой
образ жизни. А скажите! - спросил он. - Сколько в острове полуостровов?

- В острове полуостровов? Два, - сказал Баландин,

- Совершенно верно, два. Два будет у вас в последней четверти и в годовой.

Баландин положил указку и равнодушно пошел на место.

Курмышев и Баландин жили на одном дворе. Курмышев в доме, выходившем на улицу.
Баландин - в небольшом флигеле. Отец Курмышева был судьей, а у Баландина отца не
было.

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
Когда гимназистов распустили на лето, Курмышев вернулся из гимназии, сбросил пальто и ранец и выбежал на двор.

Было еще свежо. Курмышев разбежался, перепрыгнул через скамейку, потом поднял с земли камень и запустил в небо. Потом подозвал к себе сонную лохматую собаку, стал тереть ее за уши. Собака завизжала и вырвалась.

Курмышев подошел к флигелю и стукнул в последнее окошко справа.

- Заходите, господин Курмышев, - сказала пожилая женщина в очках и в красных сережках, открывая форточку.

Курмышев вбежал в темную переднюю. Там в углу кудахтали куры.

- Пожалуйте, господин Курмышев, - говорила женщина, отворяя дверь. Жоржик, к тебе пришли!

Баландин вскочил в соседней комнате с кровати, на которой он валялся одетый, и бросился к товарищу. Лицо у него было красное и [изрядно] помятое.

- Кончили курс и теперь гулять? - говорила женщина, мать Баландина. Ну, гуляйте, гуляйте, молодые люди.

- Она ничего не знает про меня, - шепнул Баландин. - Молчи!

За столом сидел растрепанный и небритый мужчина и читал какую-то бумажку.

- Сведения об успехах, поведении, прилежании и внимании, - читал он, ученика второго класса Баландина Георгия. Закон божий три, география... тут что-то неразборчиво... тоже три... А тут и совсем разобрать нельзя... Переводится в третий класс... Кто это у вас сведения пишет?

- Помощник письмоводителя, - сказал Курмышев.

- Молчи! - шепнул ему прямо в ухо Баландин.

- Так, - сказал отчим, - а почему у тебя, обормот, все тройки? Хоть бы одну четверку принес?

- Ну уж и на том спасибо, - сказала женщина, - хорошо, что не сел во втором классе.

- Не сел, - угрюмо проворчал отчим, - ему бы в его годы в четвертом быть, а не во втором, попробовал бы он у меня сесть.

Баландин взял бумажку, сложил ее и сунул в ящик стола.

- Шагаем? - сказал он Курмышеву.

- Шагаем!

И оба выскочили на двор.

- Курмышев, - сказал Баландин шепотом, когда они очутились на противоположном конце двора. - Мне сведения Дудкин исправил, он хорошо пишет. Только молчи. Я отчима не боюсь, - ну пусть он меня зарежет, повесит, - мне не страшно. Мне только маму жалко.

- А как же ты... - сказал Курмышев, - как же ты осенью?

- Погоди, - прервал его Баландин, - мы выйдем на улицу, тогда скажу.

Оба мальчика вышли за ворота. Курмышев шел, весело перепрыгивая через лужи, Баландин шагал, не глядя под ноги.

- Как же ты от домашних скрывать будешь? - спросил Курмышев. - Ведь каждую неделю подпись нужна в дневнике? Да и книги у тебя будут те же самые, что в этом году.

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru

- Ничего, - сказал Баландин отчаянно, - осенью я из дому убегу... Скоплю пять рублей и уеду в Одессу. Там в порту работать буду или на корабль наймусь. А потом, когда большой буду, мать к себе возьму.

- Тише, - прошептал Курмышев, а потом снял фуражку и сказал громко: Здравствуйте, Павел Павлович.

По улице шагал, обходя лужи, Павел Павлович. В пальто он оказался еще толще. Форменные пуговицы и кокарда блестели на солнце. Он тяжело отдувался и осторожно передвигал толстые ноги в новеньких галошах.

- Здравствуй, Курмышев, - широко улыбаясь, сказал Павел Павлович. Потом он перевел взгляд на Баландина и перестал улыбаться.

Баландин смотрел в землю.

Я заснул в библиотеке за столом, заставленным со всех сторон книжными шкапами. Библиотекарь не заметил меня, запер входную дверь на ключ и ушел домой.

Когда я проснулся, было темно. Впрочем, не совсем темно. В окно смотрела луна, и на полках серебрились корешки книг. Но в комнате было светло не только от луны, - на одной из нижних полок мерцал маленький-маленький зеленоватый огонек, похожий на фонарик светляка.

Неужели это светляк?

Так странно было увидеть его здесь, в библиотеке, на странице раскрытой книги. Но, приглядевшись внимательнее, я удивился еще больше. Вокруг светляка, точно у костра на лесной поляне, сидели крошечные человечки в шляпах и колпаках. Тут были мужчины и женщины, молодые и старики.

Мне показалось, что я уже видел этих человечков где-то раньше. Но где же? Ах да, на картинках в старой книжке, которая называлась "Приключения Мурзилки и лесных человечков".

На этой самой книжке, на странице 97-й, они теперь сидели кружком и о чем-то разговаривали тонкими комариными голосами.

Один из человечков, старичок в фуражке с большим козырьком, говорил громче всех других. Он жужжал, как шмель.

- В этой книжке, - кричал старичок, - нет ни слова правды. И картинки в ней неверные. Вот тут нарисован портрет, а под ним подписано мое имя "Заячья губа". А разве этот урод похож на меня?

- Похож, похож! Этот урод очень похож на тебя! - сказал другой человечек в длинном узком пальто и в высокой шляпе, похожей на пробку от графина.

- Ты, должно быть, шутишь, Мурзилка, - пропищал первый человечек.

- Нет, Заячья губа, мне не до шуток, - пропищал второй.

Тут первый человечек страшно рассердился. Он надвинул на нос фуражку и сказал:

- Ты, Мурзилка, всегда любишь спорить. Недаром тебя зовут "Пустая голова". Давай спросим у доктора Мазь-Перемазь, похож ли я на свой портрет или не похож.

- А где доктор?

- Он медицинский словарь читает.

- Доктор! Мазь-Перемазь! Доктор! - закричали человечки хором.

Никто не отзывался.

Я оглядел полку и отыскал среди книг толстый том медицинского словаря. Он стоял на своем месте, но был слегка раскрыт. Заглянув в него сверху, я заметил

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
человечка в очках, который раскачивался, как маятник, между страницами словаря, ухватившись обеими руками за шелковую голубую нитку-закладку. Прочитав одну строку, он сползал ниже и принимался читать следующую. Наконец доктор услышал голоса своих товарищей и быстро, как паучок по паутинке, выбрался из книги.

- Мазь-Перемазь! - пищали человечки снизу.

Я с любопытством разглядывал доктора Мазь-Перемазь, самого маленького из всех докторов на свете.

Из одного кармана его торчала крошечная докторская трубочка, а из другого кармана - блестящий докторский молоточек. У него была лысая, похожая на хлебный шарик, голова и острая седенькая борода.

- Мазь-Перемазь! - сказал я громко,

Доктор заткнул уши, будто оглушенный ударом грома, и, прихрамывая, пустился бежать по краю полки.

Добежав до своих товарищей, он что-то пискнул. Человечки мигом вскочили на ноги и засуетились.

Не давая им опомниться, я накрыл всю их компанию шляпой, как накрывают мотыльков или кузнечиков. Готово! Человечки у меня в плену! Я чуть-чуть приподнял шляпу и пошарил под ней рукой. Но, к великому моему удивлению, ни одного человечка под шляпой не оказалось. Когда же это они успели удрать? На книге, где они только что мирно сидели, остался один только светлячок, да и тот потушил свой фонарик и сделался простым червячком. Я был очень огорчен своей неудачей. Надев на голову шляпу, я пошел к выходу и тут только обнаружил, что дверь библиотеки заперта на ключ. По счастью, в это время на лестнице послышались шаги. Я забарабанил в дверь кулаками. Ночной сторож услышал мой стук, отпер дверь и выпустил меня на улицу.

Дома я долго думал о том, что произошло в библиотеке. Неужели человечки мне только приснились? Нет, не может быть. Я так ясно помню, как сидели они на книге, как забегали при появлении доктора, как я накрыл их шляпой. На всякий случай я взял свою шляпу и осмотрел ее еще раз. И вдруг из-под кожаной подшивки шляпы на стол вывалился крошечный человечек. Он забегал по столу, взобрался на самую верхушку будильника и, прыгнув оттуда, чуть не угодил в чернильницу. Я поймал его двумя пальцами и поднес к своим глазам.

Человечек был пучеглазый, остроносый, в коричневом костюмчике, сшитом из коры дерева. На голове вместо шляпы у него была ореховая скорлупка, а на ногах серые чулки из толстой паутины.

- Как тебя зовут? - спросил я шепотом, чтобы не испугать его звуком своего голоса. Человечек молчал.

- Есть хочешь?

Человечек молчал.

Я накрыл его стеклянным колпаком, которым накрывают сыр, сунул ему под колпак кусочек хлеба с маслом и наперсток с молоком, а сам принялся за работу.

Человечек не шевелился и не дотрагивался до еды. Он сидел под стеклянной крышкой, низко склонив голову,

Я подумал: а может быть, этот малыш любит сладкое? Не попробовать ли угостить его мармеладом и засахаренными фруктами? Я достал из буфета коробку, но в ней ничего уже не было, кроме крошек на самом дне. [Мне показалось, что с моего гостя и этого угощения хватит. Я высыпал все, что было в коробке, и предложил своему пленнику. Через минуту я увидел, что он с жадностью уплетает сладкие крошки. Видно, они пришлись ему по вкусу. Он съел всю кучку, а заодно отведал молока и хлеба с маслом.

Я приготовил для него постель в маленькой картонной коробочке, уложил его спать и на прощанье сказал:

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru

- Я оставляю тебя на свободе. Если ты не убежишь ночью, я тебя отпущу утром к твоим товарищам. Советую тебе не пытаться бежать, потому что в нашей квартире живут собака Филька и кот Васька. Если они тебя заметят, они проглотят тебя, как муху, а если не заметят, могут раздавить лапой.

Вероятно, человечек меня понял.

Я проснулся рано утром и прежде всего бросился к коробочке. Моего гостя там не оказалось. Но, обернувшись, я нашел его на письменном столе. Он ходил по столу, как по улицам незнакомого города, с любопытством осматривая чернильницы с медными крышками, пресс-папье, будильник, настольную лампу и другие вещи.

Я попытался с ним заговорить.

- Здравствуй, приятель. Как тебя зовут? - спросил я. Человечек вздрогнул и отступил на шаг, но потом улыбнулся мне и чуть слышно пропищал:

- У меня три имени: Разиня, Раззява и Пучеглазый.

- А кто ты такой?

- Мурзилкин двоюродный брат,

- А кто такой Мурзилка?

- Мой двоюродный брат.

Больше Пучеглазый мне ничего про себя не рассказал.

Я занялся приготовлением завтрака и на несколько минут про него забыл. К завтраку в мою комнату обыкновенно являются Филька, большой рыжий пес, и Васька, белый кот.

Так было и в это утро. Не успел я вскипятить молоко и нарезать хлеб, как в передней послышался лай, а потом кто-то начал яростно царапать дверь,

Я впустил в комнату Фильку и Ваську. Увидев страшных зверей, человечек пустился бежать по столу. Этим он чуть не погубил себя. Кот Васька, вероятно, принял его за мышь и мигом вскочил на стол, а Филька начал громко лаять. Хорошо, что я успел вовремя накрыть Пучеглазого стеклянным колпаком. После этого я выпроводил обоих зверей из комнаты и постарался успокоить Пучеглазого.

Скоро он забыл свой испуг и повеселел.

Пучеглазый оказался очень веселым и разговорчивым человечком.

Мы сели с ним пить чай - я пил из стакана, а он из наперстка.

За чаем я узнал от него много любопытного...

О ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКЕ

I

В последнее время у нас часто жалуются на то, что поэты наши редко и мало пишут о любви.

Это правда. Другие - очень важные и значительные - темы почти вытеснили со страниц журналов тему любви. Произошло это не так давно. О любви писал Маяковский, и даже в последних его стихах говорилось о любовной лодке, разбившейся о быт. О любви писал во время войны К. Симонов. Пишет иногда С. Щипачев и другие поэты.

И все же этого, конечно, мало.

Недавно "Литературная газета" попыталась поправить дело организационными мерами - устроила на своих страницах целую выставку "подборку" любовных стихов разных

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru поэтов {1}. Однако любовная поэзия – такое тонкое дело, что почти не поддается организационным мерам. Да к тому же стихи о любви плохо переносят соседство других стихов того же характера.

Лучше не выстраивать любовные стихи в шеренгу, а то получается не то пастораль, не то какая-то странная кадриль.

Любовная лирика оскудела не только потому, что многие наши поэты в течение долгого времени "наступали на горло собственной песне" {2}. В исчезновении любовных стихов повинны и редакторы и критики, изо дня в день занимающиеся "селекцией" литературы по своему разумению и вкусу*

До недавнего времени они были твердо убеждены, что лирике нет места среди великих дел и событий нашей эпохи.

К счастью, такой взгляд можно уже считать устаревшим,

Молодые поэты смелее носят в редакцию лирические стихи.

Однако у любовной поэзии, если она идет не на самом высшем уровне, всегда есть опасность – измельчать, ополнить лирическую тему.

II

Когда видишь в старых журналах и альманахах стихи о любви, иной раз задаешь себе вопрос:

– Зачем это опубликовано для всеобщего сведения? Да какое дело нам до того, любит ли он ее, она его, кто кого бросил и почему?

Если это плохие стихи, автор представляется нам человеком смешным, бестактным, развязно откровенным, не понимающим, что печатать стихи для широкой публики – это значит обращаться к великому множеству незнакомых людей.

Если же стихи немного получше, посложней, они не вызывают насмешки. Напротив, они даже могут понравиться какому-то кругу людей, имеющих обыкновение пользоваться цитатами из стихов в своих любовных письмах и дневниках.

Но читателю, который не ищет в лирике материала для использования в случае надобности, такие стихи кажутся столь же развязными, что и бездарные. Они не состоят из общих слов альбомного обихода, а касаются реальных чувств, но чувства эти настолько интимны, что, в сущности, не должны были бы становиться предметом широкой гласности.

Но ведь стихи о любви писали и такие поэты, как Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Некрасов, Фет, Шекспир, Гете, Байрон, Бернс, Блок, Маяковский.

Да, конечно, с тех пор как существует лирическая поэзия, одна из ее главных и постоянных тем – любовь.

Я помню чудное мгновенье:

Передо мной явилась ты...

Эти строчки, как известно, посвящены А. П. Керн.

Однако не об Александре Пушкине и не об Анне Керн говорится в них. Они только посвящены Керн. А чувства, которые в них выражены, читатель вправе считать своими собственными, а не только чувствами автора. Поэт говорит от своего имени, от первого лица, – "я помню", – но читатель вправе присвоить это лирическое "я".

Поэтому-то любовные стихи Пушкина всенародны и бессмертны. Поколение за поколением читает и будет читать их, вновь и вновь оживляя слова давно умершего поэта.

Такие любовные стихи звучат громко, величаво, а не вполголоса, потому что в них выражены большие чувства. Они звучат не как интимное любовное мурлыканье, а четко и уверенно, словно лирический манифест:

Я помню чудное мгновенье:

Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

Оставаясь самим собой, поэт щедро делит с читателем все богатства своей души - любовь, дружбу, грусть и вдохновение.

И сердце вновь горит и любит - оттого,
что не любить оно не может {3}.

По-своему, но для всех говорит о своем сердце Маяковский:

На мне ж

С ума сошла анатомия:

Сплошное сердце

Гудит повсеместно {4}.

Большие поэты великодушны, человечны в стихах о любви и дружбе. Это-то и дает им право говорить о своей душевной жизни с несметным множеством людей и верить, что стихи поймут и те поколения, которые придут через много лет.

Шекспир говорит:

О, если ты тот день переживешь,
Когда меня накроет смерть доскою,
и эти строчки бегло перечтешь,
Написанные дружеской рукою,
Сравнишь ли ты меня и молодежь?
Ее искусство выше будет вдвое.
Но пусть я буду по милу хорош
Тем, что при жизни полон был тобою.
ведь если бы я не отстал в пути,
С растущим веком мог бы я расти
и лучшие принес бы посвященья
Среди певцов иного поколенья.
Но так как с мертвым спор ведут они,
Во мне любовь, в них мастерство цени! {5}

Один из наших талантливых художников, иллюстрируя стихи классического поэта, изобразил автора на коленях перед дамой.

Правильно ли это?

Разумеется, нет. Нельзя изображать ни Пушкина на коленях перед А. П. Керн в иллюстрации к стихам "Я помню чудное мгновенье", ни Шекспира, склоняющего колени перед "Черной дамой" в книге сонетов.

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru

Это принижает стихи, вся сила которых в общечеловеческом значении частной любви, воспетой поэтом.

А. П. Керн и "Черная дама" были только поводом к созданию замечательных стихов, им посвященных.

Лирика – не дневник автора, не простое и прямое выражение всех его чувств и ощущений. Не дешевая откровенность, а высокая искренность достоинство поэта. Реквием – не частный некролог и не судорожный плач над могилой.

Стены искусства не должны нагреваться и корчиться от того пламени, которое горит внутри него.

Сколько внутреннего жара и внешнего холода в лирике Пушкина – в стихах "Я помню чудное мгновенье", "В степи мирской, печальной и безбрежной" или в восьми строчках стихотворения "На холмах Грузии лежит ночная мгла".

Поток мыслей и чувств, самых бурных и безудержных, не нарушает стройности стихотворения, не лишает его грации.

Дешевая откровенность чувств находит место на самых низших ступенях искусства. Подлинная искренность – на высших.

А народная поэзия? Ведь в ней, казалось бы, безыскусность формы сочетается с непосредственной искренностью чувства.

Я полагаю, что такой взгляд на поэзию народа ошибочен.

Настоящая, а не мнимая народная поэзия дает нам образцы высокого, сложного, совершенного мастерства, часто доходящего до нас в осколках и в искаженных вариантах.

Оглядывая пройденный мною более чем полувековой литературный путь и вспоминая судьбы многих поэтов, бывших моими современниками, я хочу высказать здесь кое-какие мысли, которые, как мне кажется, могут пригодиться молодежи.

В наше время книги стихов, – если не все, то очень многие, – долго не залеживаются на прилавках магазинов и полках библиотек. Расходятся даже томики лирических стихов, которые еще не так давно с трудом пробивали себе дорогу к читателю.

В разных концах нашей страны все увереннее заявляют о своем существовании поэты, о которых мы раньше не слыхали. А целая плеяда молодых успела приобрести за несколько лет такую широкую известность, какую их старшие собратья завоевывали долгими годами труда.

Как в первые годы революции, во дни молодости Маяковского и его ровесников, молодые поэты находят не только читателей, но и многочисленных слушателей.

Стихи, читаемые вслух с эстрады, вызывают немедленный и непосредственный отклик аудитории – не то что страницы стихов в журналах и сборниках. Лучшие поэты тридцатых, сороковых и пятидесятых годов редко слышали столь шумные аплодисменты, какие выпали на долю молодых поэтов последних лет.

Для Маяковского подмостки были трибуной. В сущности вся его поэзия оратория, рассчитанная на чтение вслух.

Но если эстрада – не трибуна, а только эстрада, она таит для поэтов серьезные опасности. К аплодисментам надо относиться с осторожностью.

Я не хочу, пользуясь своим возрастом, читать молодежи наставления, предостерегать ее словами Дмитриева

Ах, дети, дети, как опасны ваши лета! {1}

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
Но разобраться в том, что такое успех, расшифровать это общее и довольно смутное понятие бесполезно.

Успехи бывают различного качества, разной цены.

Почти одновременно с Маяковским стал известен Игорь Северянин {2}. Сенсацию в литературных, а еще больше в околосредствительных кругах вызвали его пышные и претенциозные "поэзы", щеголявшие звучными иностранными именами и служившие одной только цели – самопрославлению автора.

В наших газетах были опубликованы несколько лет тому назад грустные и простые, проникнутые тоской по утраченной родине, стихи того же Игоря Северянина, написанные им в эмиграции {3}.

Читая их, видишь, что пышный, жеманный и манерный стиль "поэз", в которых было отведено так много места самолюбанию и самопрославлению, не был органичен для их автора, что поэт мог легко снять его с себя, как театральную маску или маску.

Таких "ряженных" – то в заграничном плаще, то в русской поддевке, то в кубанке и с шашкой наголо – было в литературе немало.

И, может быть, одно из самых существенных отличий настоящего поэта от поддельного заключается в том чувстве собственного достоинства, которое не позволяет поэту рядиться в поисках дешевого успеха.

Каждый из сколько-нибудь известных литераторов получает немало писем от читателей. Многие из этих писем полны комплиментов. Но по-настоящему радуют писателя не похвалы, а подтверждение того, что самые заветные его мысли и чувства, выношенные в тиши, полностью дошли до читателей и тем самым приобрели какую-то объективную ценность.

В драматических произведениях Пушкина есть два сходных между собою эпизода.

В сцене у фонтана Григорий Отрепьев признается честолюбивой Марине Мнишек, что он не царевич, хоть это признание для него и невыгодно и опасно. Но он не хочет, чтобы "гордая полячка" любила в его лице мнимого царевича, а не его самого.

В "Каменном госте" дон Жуан, добившись свидания с донной Анной, признается ей, что он не дон Диэго, чьим именем он себя назвал, а дон Жуан, убийца командора, ее мужа.

Такое неосторожное, опрометчивое признание должно оттолкнуть от него донну Анну и может погубить его, но он ревнует любимую женщину к тому, за кого себя выдает, ему нужно, чтобы она любила его, именно его – дон Жуана.

Таковы и настоящие поэты. Они предстают перед читателем не ряжеными, а со всей своей подлинной биографией, своим характером и мировоззрением. И если читатели полюбят его именно таким – без румян и маскарадного костюма, он радуется своему успеху.

Нет карьеры поэта, – есть судьба поэта.

И только человек, лишенный чувства собственного достоинства, может гордиться случайно завоеванным успехом, успехом не по адресу, "тафтяными цветами моды" {4}, как называл такой успех Евгений Баратынский.

Вспомните его стихи:

Не бойся едких осуждений,

Но упоительных похвал:

Не раз в чаду их мощный гений

Сном расслабленья засыпал.

Когда, доверясь их измене,

Уже готов у моды ты
Взять на венок своей Камене
Ее тафтяные цветы,
Прости, я громко негодую;
Прости, наставник и пророк!
Я с укоризной указую,
Тебе на лавровый венок.
Когда по ребрам крепко стиснут
Пегас упрямым седоком,
Не горе, ежели прихлыстнут
Его критическим хлыстом.

"Тафтяными цветами" моды довольствовался Бенедиктов {5}, а на моей памяти очень многие стихотворцы и беллетристы. Достаточно назвать романиста Арцыбашева {6}, ныне совершенно забытого. А ведь у него была, хоть и недолгая, но гораздо более шумная слава, чем, скажем, у Чехова, слава которого росла медленно, но доросла до славы одного из виднейших в мире писателей и продолжает расти с каждым годом.

Дешевое тщеславие, желание всем нравиться приводит подчас к самым неожиданным последствиям. Надо трезво разбираться в том, кто именно и что у вас ценит, и не уподобляться той анекдотической солдатской невесте, которую "вся рота хвалит".

Репутация такой невесты весьма сомнительна.

Многие из наших молодых поэтов слишком долго засиживаются в молодых.

"Блажен, кто смолоду был молод" {7}. Но плохо, если человек вовремя не почувствует, что ему пора повзрослеть. Задержаться на определенном возрасте так же невозможно и рискованно, как на эскалаторе метро.

Любопытно оглянуться на далекое и недавнее прошлое, чтобы хоть на нескольких наиболее наглядных примерах проследить, когда и при каких обстоятельствах выросли люди, оказавшие влияние на судьбы нашей литературы.

Резкую грань, отделяющую юность от зрелости, можно обнаружить, перечитывая Лермонтова. Этой гранью был для него роковой 1837 год, год гибели Пушкина.

Стихи Лермонтова "На смерть поэта", не обнародованные при его жизни, но ходившие по рукам в списках, принесли ему всенародную славу.

В этих стихах на всю Россию прозвучал голос зрелого и мужественного поэта. А ведь ему в это время шел всего только двадцать третий год. И если раньше у него были наряду с замечательными и посредственными стихами, то с 1837 года по 1841-й, то есть до последних его дней, все, что ни писал он в стихах и в прозе, было отмечено печатью зрелого ума и глубокого жизненного опыта.

Эта резкая черта, разделяющая два периода в творчестве Лермонтова, убедительно показывает, что дело тут не только в том, что поэт стал на какой-нибудь год старше.

Нет, прощаясь с Пушкиным, Лермонтов явственно осознал свое место в русской поэзии, понял, что ему выпало на долю быть прямым наследником, законным преемником погибшего поэта.

И это высокое, ответственное сознание не изменяло ему до конца жизни.

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru

А разве не чувством ответственности, возникающим тогда, когда слово становится делом, объясняется ранняя зрелость Грибоедова, Добролюбова, Писарева?

Мы были свидетелями того, как с первых лет революции окреп, стал звучнее и богаче голос молодого Владимира Маяковского.

Уже в первой своей поэме – в "Стране Муравии" – предстал перед нами вполне зрелым поэтом Александр Твардовский.

За последние годы у нас появилось немало талантливой молодежи. Пусть же она помнит, что настоящая зрелость приходит к человеку вместе с чувством ответственности.

Надо требовать от себя гораздо большего, чем мог бы потребовать самый строгий читатель или критик. Если бы Чехов был удовлетворен тем успехом, каким он пользовался смолodu в юмористических журналах, он остался бы Антошей Чехонте и никогда не стал бы Антоном Чеховым.

Мы, старики, повинны во многих недостатках, присущих нашей молодежи. То мы слишком захваливали ее, то обрушивались на нее чересчур сурово. Такая резкая смена температур вряд ли способствует росту и развитию молодых талантов.

Наше самое доброе пожелание, обращенное к литературной молодежи, может быть выражено словами Пушкина:

...Наконец

Я слышу речь не мальчика, но мужа {8}.

Зрелость поэта, твердая его поступь и уверенность в своих силах зависят также от того, насколько он знаком с поэзией предшественников и современников и умеет отличать новые побеги от прошлогодней травы.

Помню, как в конце 20-х или в начале 30-х годов Борис Пастернак, собираясь писать книгу в стихах для детей, обратился ко мне в письме с просьбой посоветовать, что ему прочесть, чтобы "узнать традицию" и тем самым "избежать рутины" {9}.

Без знания традиции невозможно подлинное новаторство. Открыватели нового в искусстве, в науке, в технике должны быть вооружены знанием. Иначе им грозит участь наивных изобретателей, тщетно пытающихся разрешить проблему "perpetuum mobile" или открывающих уже давно открытую Америку.

Самые бедные в истории искусства эпохи характеризуются короткой памятью, почти полным забвением всего, что достигнуто мировым и отечественным искусством. Такова была – за редкими исключениями – наша поэзия в 80-е и 90-е годы прошлого столетия. В стихах искреннего, далеко не бездарного, но отмеченного печатью безвременья поэта Надсона и большинства его современников трудно обнаружить какую бы то ни было родословную. Для многих поэтов этого периода будто вовсе и не существовало на свете не только Данте, Шекспира, Гете и Гейне, но и нашего Пушкина, Баратынского, Тютчева. Поэзия была похожа тогда на провинциальное захолустье, откуда "три года скачи, ни до какого государства не доскачешь", как говорится в "Ревизоре". Да и реальная жизнь весьма тускло отражалась в поэзии, в которой преобладали риторика и декламация. Консервативность формы, бедность языка, однообразие размеров и ритмов, банальность сравнений и эпитетов, превратившихся в какие-то стертые и шаблонные типографские виньетки, – вот типичные черты этого времени.

И при первых же признаках оживления, которое было подготовлено поэзией конца 90-х годов и наступило в девятисотых годах вместе с назревавшей революцией, в поэзии начинают возрождаться традиции нашей и мировой литературы.

Правда, как протест против предшествовавшего застоя, поэзия этого времени часто грешит чрезмерным модернизмом, новаторством ради новаторства, подражанием зарубежным образцам.

И все же культура наиболее выдающихся поэтов этих лет куда выше, чем у их

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
предшественников. В отличие от поэтов 80-х и 90-х годов Александру Блоку уже
нужны Данте, Шекспир и Гейне, Пушкин, Жуковский, Тютчев, Фет и Некрасов.
Особенно чувствуется пушкинское начало в его строгих и четких стихах последних
лет.

И все это глубоко и органически воспринятые традиции нисколько не умаляют
своеобразия поэзии Блока, а напротив, обогащают ее.

Мы помним его прекрасное стихотворение о девушке-самоубийце ("Под насыпью, во
рву некошеном") {10}.

Бывало, шла походкой чинною
На шум и свист за ближним лесом.
Всю обойдя платформу длинную,
Ждала, волнуясь, под навесом.
Три ярких глаза набегающих
Нежней румянец, круче локон:
Быть может, кто из проезжающих
Посмотрит пристальней из окон...
...Лишь раз гусар, рукой небрежною
Облокотясь на бархат алый,
Скользнул по ней улыбкой нежною...
Скользнул - и поезд в даль умчало.
...Да что - давно уж сердце вынуто!
Так много отдано поклонов,
Так много жадных взоров кинута
В пустынные глаза вагонов...
Разве не напоминают эти стихи знаменитую Некрасовскую "Тройку"?
Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу
Все лицо твое вспыхнуло вдруг.
И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?..
На тебя, подбоченясь красиво,
Загляделся проезжий корнет...

Но при всем сходстве этих стихотворений ("...жадно глядишь на дорогу" "Так много
жадных взоров кинута". Гусар, облокотившийся на бархат алый, - и подбочившийся
корнет), в каждом из них так отчетливо и ярко проявилась индивидуальность их
авторов, так явственно чувствуются подлинные черты времени.

С теми же стихами Александра Блока в какой-то степени перекликается и
стихотворение английского поэта XIX века Томаса Гуда "Мост вздохов" - тоже о

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
девушке-самоубийце.

Почти вполне совпадают строчка Блока:

"Красивая и молодая" со строчкой Томаса Гуда:

"Young and so fair" (Молодая и такая красивая)".

Такая переключка поэтов разных времен и стран объясняется совпадением жизненных фактов, да еще и тем, что чуткая память поэта бережет – иной раз даже без участия сознания – обрывок музыкальной фразы его собрата, предшественника или современника.

Кстати, как я неоднократно наблюдал, совпадение стихотворного размера и ритма часто влечет за собою и словесное совпадение. Очевидно, ритм не запоминается нами отвлеченно, отдельно от тех слов, в которых он дошел до нас.

У Лонгфелло есть стихи, напоминающие своим размером и ритмом известное стихотворение Гейне "Лорелей".

Очевидно, недаром, не случайно строчка Гейне:

"Und ruhig fließt der Rhein" ("и спокойно течет Рейн") так похожа на строчку Лонгфелло:

"As the wind resembles the rain" ("как ветер напоминает дождь").

Хоть заключительное и опорное слово у Гейне означает реку Рейн, а у Лонгфелло – дождь, но звучание их почти одинаково.

В стихотворении Лермонтова "Ветка Палестины" (1837) слышатся явные отзвуки пушкинского стихотворения "Цветок" (1828).

Цветок засохший, безуханный,

Забытый в книге вижу я;

И вот уже мечтою странной

Душа наполнилась моя.

Где цвел? когда? какой весной?

И долго ль цвел? и сорван кем,

Чужой, знакомой ли рукою?

И положен сюда зачем?

...И жив ли тот, и та жива ли?

И нынче где их уголок?

Или уже они увяли,

Как сей неведомый цветок?

Не похожи ли эти мелодичные, проникнутые грустным раздумьем вопросы на такие же лирические вопросы, которыми кончаются восемь четверостиший "Ветки Палестины"?

Скажи мне, ветка Палестины,

Где ты росла, где ты цвела?

Каких холмов, какой долины

Ты украшением была?..

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
...И пальма та жива ль поныне?

Все так же ль манит в летний зной

Она прохожего в пустыне

Широколиственной главой?

Или в разлуке безотрадной

Она увяла, как и ты,

И дольний прах ложится жадно

На пожелтевшие листья...

"Ветка Палестины" осталась в памяти гораздо более широкого круга читателей - и взрослых и юных, - чем небольшое и скромное стихотворение Пушкина "Цветок".

Но для меня - и, вероятно, не только для меня одного - в беглых и хрупких, как бы наскоро набросанных лирических строчках Пушкина таится больше очарования, как в почерке по сравнению со шрифтом.

Не эти ли строчки Пушкина ("и вот уже мечтою странной...") нашли отдаленный и менее явный отзвук и в стихах Блока

...Случайно на ноже карманном

Найди пылинку дальних стран

И мир опять предстанет странным,

Закутанным в цветной туман! {11}

Поэты-современники и поэты разных веков и национальностей то и дело перекликаются между собою. Поэзия - это как бы общее большое хозяйство, в которое каждый народ и каждый поэт в отдельности вносит свой вклад, частицу своего гения. Это яснее ощущается в эпохи подъема, менее заметно - в эпохи упадка. В росписи Сикстинской Капеллы участвовало множество художников, не боявшихся, что их индивидуальность затеряется, потонет в общем дружном хоре. Напротив, в эпоху декаданса каждый ревниво оберегает патент, взятый им на тот или иной стихотворный жанр, размер, ритм, круг тем, образов, эпитетов и метафор.

Верно и глубоко чувствовал общность поэтов своей страны и эпохи Владимир Маяковский, обращаясь к собратьям:

Сочтемся славою,

ведь мы свои же люди,

пускай нам

общим памятником будет

построенный

в боях

социализм {12}.

Чем крупнее поэт, тем больше чувствует он, что искусство - общее дело, а не какой-то отгороженный им участок. Чувствует это даже тогда, когда полемизирует, как Маяковский, с поэтами-современниками и классиками. Ведь примерно такую же полемику вели в своих стихах и Пушкин, и Лермонтов, и Байрон, и Бернс, и Гейне - и в наше время Твардовский.

Пушкин установил далекие связи с поэзией и прозой различных времен - с греческими гекзаметрами, с Овидием {13} и Горацием, с латинской прозой, с

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru французскими поэтами, с Байроном, а потом с Шекспиром, с поэзией западных славян, с русской народной и предшествовавшей ему литературной поэзией, всех его связей в беглом перечне не охватишь.

Без питания нет роста. Добросовестно пройденный ученический период ведет к выработке подлинного, а не поверхностного и мнимого своеобразия.

Только умственно ограниченный и наивный человек может думать, что знакомство со стихами поэтов-современников и предшественников грозит ему потерей оригинальности и самобытности. Сравнивая между собой различные Эпохи, лишней раз убеждаешься, что потеря связи с культурой ведет к банальности, к бедности мысли, чувств и поэтических средств.

У поэта, как у всякого художника, два источника питания. Один из них жизнь, другой – само искусство. Без первого нет второго. Недаром, как мы видели, во время падения культуры стиха поэзия теряет не только стиль и многообразие своих форм и средств, но и способность видеть, слышать и чувствовать окружающую жизнь.

С другой стороны поэзия становится бескровной, формальной и книжной, если она оторвана от жизни и варится в собственном – поэтическом – соку.

Для нас уже стало прописной истиной, что Пушкин учился живой русской речи у простого народа – у нянюшки Арины Родионовны, в деревне, на дорогах и базарах – и что Лев Толстой – по его собственному признанию – учился говорить по-русски не только у крестьян, но даже у крестьянских ребят.

Не оттого ли стихи так часто похожи у нас на перевод с какого-то иностранного языка, что авторы их не прислушиваются к живой и естественной русской речи, не стараются уловить те богатые устные интонации, без которых фраза становится безжизненной, бессильной и бесцветной.

Эти интонации придают мощь и убедительность пушкинским, лермонтовским, некрасовским, тючевским стихам, стихам Маяковского и Твардовского.

Пожалуй, многим поэтам следовало бы поучиться умению вслушиваться в народную речь у лучших прозаиков, у классиков да и у современных писателей...

В произведениях искусства проявляется то, что у художника на душе и за душой. Каков человек, таково и его искусство, Этого-то _человека_ требовательно и жадно ищет в строчках книги – или, вернее, за строчками чуткий читатель.

Кормилица не столько заботится о своем молоке, сколько о своем здоровье. Будет здоровье – и молоко будет хорошее.

Так о своем духовном, нравственном здоровье должен прежде всего заботиться писатель.

Если он беден мыслью и чувством, откуда же возьмется богатое содержание в его стихах и в прозе? Если он полон только самим собой, – в его душе и в литературных его трудах не будет места жизни и тому неисчерпаемому богатству, которое в ней заключено. О таких людях Пушкин говорит:

... – Да ты чем полон, шут нарядный?

А, понимаю: сам собой;

Ты полон дряни, милый мой! {14}

Самовлюбленность – одна из главных болезней, которой подвержены люди искусства. Она неизбежно ведет к обмелению души.

В искусстве, как на Монетном дворе, ничто не должно прилипать к рукам. Нельзя без ущерба своему искусству щеголять внешними данными, голосом, стихом, хоть заботиться о своем голосе и о качестве своего стиха надо постоянно.

Сальери гораздо больше думал о своем месте в искусстве, чем гениальный, щедрый, бескорыстно преданный искусству Моцарт.

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
Что ценим мы больше всего в Пушкине? Или, скажем, что больше всего ценил в своей поэзии он сам?

В зрелых его стихах, где взвешено каждое слово ("Я памятник себе воздвиг нерукотворный"), он говорит:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу...

В этих строчках речь идет не об эстетической, а об этической и гражданской ценности того, что оставил поэт народу.

А разве не ценил Пушкин красоту, совершенство формы? И все же он, непревзойденный мастер стиха, не считает своей главной заслугой высокое мастерство само по себе. Нет, это мастерство подчинено высшей цели.

Не о том ли самом говорит и Маяковский, обращаясь к своим собратям в стихотворении "Во весь голос"?

Сочтемся славою,
ведь мы свои же люди,
пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм.

В сущности, этим критерием – этическим – определяется величие писателя. Замечательным поэтом был Фет, но недостаток альтруизма, гражданственности, равнодушие к бедам и нуждам поработанного народа – вот что не дает ему права стоять рядом с Пушкиным, как бы превосходны ни были его стихи о природе.

Очевидно, подлинной красоты не может быть там, где нет человечности и благородства.

Многие стихи Некрасова по сравнению со стихами Фета кажутся прозаичными и даже газетными. Но, внимательно перечитывая Некрасова, находишь образцы высокой поэзии и гораздо больше узнаешь об его эпохе, чем по стихам таких талантливых его современников, как Фет и Полонский.

И потому стихи его богаче живыми интонациями, шире, разнообразнее, народнее его словарь.

Любопытно, что стихи Некрасова могли в свое время соревноваться в силе своего воздействия на читателей с прозой Тургенева, Достоевского, Гончарова, Льва Толстого.

А ведь позднее даже самые знаменитые поэты не могли соперничать в успехе с Толстым, Чеховым, Горьким.

Говоря здесь о человечности и гражданственности, я имею в виду не тенденции, плавающие на поверхности литературных произведений, как жир в плохо сваренном супе, не холодные декларации, а поэзию, которая выражает глубоко личные чувства автора, живущего одной жизнью с народом. В такой поэзии личное и общественное неразделимы.

В одном из сонетов Шекспир говорит:

Красильщик скрыть не может ремесло.

Так на меня проклятое занятие

Печатью несмываемой легло.

О, помоги мне смыть мое проклятье {15}.

Очевидно, речь здесь идет о ремесле актера. На это указывает строчка, в которой говорится, что автор сонета осужден "зависеть от публичных подаяний".

Литературный цех, как и актерский, тоже накладывает свою печать на человека, если этот цех оказывается для него замкнутым кругом, заслоняющим широкий мир.

Мы знаем, что начинающему не слишком легко пробиться в литературу, в семью профессиональных писателей. И часто бывает так, что добившийся признания новичок становится завсегдатаем редакций и литературных клубов и встречается почти исключительно со своими братьями по перу. У него сразу же появляются друзья и враги. Друзья – это те, кто признает его талант, враги – те, кто отрицает. Успех, место, которое он занимает в литературе, вот что составляет главный его интерес в жизни. С более широкой средой он встречается главным образом на своих литературных выступлениях, как с публикой, или тогда, когда ездит в командировку.

Разумеется, я говорю здесь не обо всех наших молодых литераторах, но думаю, что те, кого я имел здесь в виду, не являются исключением.

Писатель должен быть профессионалом, а не любителем, но прежде всего он должен быть человеком и не терять непосредственного – а не только писательского – интереса к жизни и к людям.

Только при наличии такого интереса он не будет нуждаться в необходимом для литературной работы.

Он должен верить в свои силы – без этого невозможно писать, – но нельзя придавать чрезмерное значение временному успеху и похвалам окружающих людей...

У нас часто говорят о том, что старые писатели должны помогать молодым, делиться с ними своим зрелым опытом. Что ж, такое требование вполне справедливо и законно.

Но если говорить конкретно, то чему, собственно, может обучать молодых поэтов их старший брат, накопивший за свою долгую жизнь немалый опыт?

Технике стихосложения? Искусству рифмовать или пользоваться разнообразными стихотворными размерами?

Но ведь мы знаем, что на рифмы и стихотворные размеры, как на вкус и цвет, товарищей нет.

Возьмем поэтов одной и той же поры. Скажем, Маяковского, Есенина и Пастернака. Как различны их рифмы и размеры. Пастернак и Есенин не пользовались свободными размерами и не располагали стихи "лесенкой", как Маяковский или Асеев, и тем не менее стихи их звучали вполне современно.

А ведь у иных поэтов те же формы и размеры, что у Пастернака и у Твардовского, кажутся старообразными, старомодными.

Значит, дело в содержании, в слове и в интонациях, которые заключены в этих размерах.

Мы понимаем, для чего Маяковскому нужна была его "лесенка", без которой многие не могли бы прочесть его еще необычный для того времени стих, но часто недоумеваешь, зачем и чего ради пользуются той же лесенкой многие стихотворцы, которым она вовсе не нужна.

Оценивать богатство или бедность рифм или тех или иных стихотворных размеров

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
нельзя без учета индивидуального характера того или иного автора. Это ведь не объективный товар, подлежащий рыночной оценке.

Правда, существуют бедные и богатые рифмы, простые и сложные размеры и ритмы.

Но, пожалуй, только новичку надо объяснять, что черпать рифмы из "мелочишки склонений и спряжений" {16} есть путь наименьшего сопротивления и что стихотворных размеров и форм на свете гораздо больше, чем те, на которые он случайно набрел.

Но и тут надо сделать оговорку. Желание блеснуть новой и сложной рифмой часто ведет к механическому стихоплетству – вроде известных стихов Д. Минаева {17} "даже к финским скалам бурым обращаюсь с каламбуром" или "Муж, побелев, как штукатурка, воскликнул: – Это штука турка!"

Другое дело счастливо найденная и естественно составленная рифма Маяковского:

Лет до ста расти
Вам без старости,
Год от году расти
Вашей бодрости {18}.

Интересно отметить, что новые, щегольские, в первый раз найденные рифмы встречаются у Пушкина, главным образом, в сатирических стихах, – например:

Благочестивая жена
Душою богу предана,
А грешной плотию
Архимандриту Фотию {19}.

А в таких строгих стихах, как "Пророк", он спокойно рифмует слова: "мечом" и "огнем", "лежал" и "воззвал",;

Ибо всему свое место и свое время.

Точно так же и Маяковский вводит в самые патетические строфы своего стихотворения "Во весь голос", написанного свободным размером, строгие классические ямбы.

Вообще можно сказать молодому поэту: не сотвори себе кумира из рифмы, из стихотворных размеров, из так называемой инструментовки стиха. Все это живет в стихе вместе, и гипертрофия каждого из этих слагаемых ведет к механизации стиха.

Хороши стихи, богатые аллитерациями. Но ведь можно назвать превосходные стихи, в которых никаких аллитераций нет. Особая прелесть этих стихов заключается именно в разнообразии звуков. Найдите, например, аллитерации в одном из самых замечательных стихотворений Пушкина "Я вас любил. Любовь еще, быть может...".

Достоинством стихов обычно и по справедливости считается их образность. Но вы не найдете ни одного поэтического образа, метафоры, сравнения в упомянутом выше лирическом стихотворении Пушкина. А между тем оно в высокой степени поэтично.

Значит, и поэтический образ тоже не должен быть кумиром.

Я знаю молодых поэтов, которые так стремятся украсить свои стихи новыми, смелыми до дерзости образами и уподоблениями и так прошивают стихи аллитерациями, что и слова не могут молвить в простоте.

Читая такие стихи, приходишь к мысли, что формалист – это человек, не овладевший или не вполне овладевший формой.

Я знал кружки, руководители которых рекомендовали молодым поэтам всевозможные

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamuil.ru
стихотворные упражнения. Они полагали, что, сочиняя по их заданию рондо, сонеты и венки сонетов, участники кружка овладевают поэтическим мастерством. Но вряд ли кому-либо из них это принесло сколько-нибудь существенную пользу. Писать стихи "вхолостую", упражняясь в стихотворной технике, это все равно, что учиться плавать на суше.

Каждое совещание, посвященное работе молодых писателей, как бы открывает новую страницу нашей поэзии и прозы.

К сожалению, я лишен возможности присутствовать на нынешнем совещании и вынужден ограничиться сердечным приветом его участникам да несколькими мыслями, соображениями и пожеланиями, которыми хотел бы с ними поделиться.

Мне довелось участвовать в первой – послевоенной – встрече с литературной молодежью. Уже тогда можно было различить в общем хоре свежие и новые голоса.

С несколькими молодыми поэтами мы познакомились в годы войны. Мы заметили и запомнили тех, кто успел проявить свой облик и почерк, – Семена Гудзенко, Алексея Недогонова, Александра Межирова, Сергея Наровчатова.

А других узнали еще до того, как они стали печататься. Так вошли в литературу такие острые, думающие, своеобразные поэты, как Борис Слуцкий, Дав. Самойлов, Н. Коржавин.

На первом совещании в Союзе писателей мы встретились с целой плеядой молодых и по возрасту и по стажу прозаиков и поэтов. Это были младшие участники войны, лишь недавно снявшие с себя армейскую шинель. И темы их были по преимуществу фронтовые.

Некоторых из них и тогда уже нельзя было причислить к начинающим, несмотря на их возраст. Такими были, например, Евгений Винокуров и Константин Ваншенкин, теперь уже вполне зрелые поэты.

С тех пор каждый год открывал нам все новые и новые имена. Их теперь не так-то легко перечислить. Даже наиболее заметные среди них составили бы довольно большой список.

И те, кто появился в литературе всего только лет пять – семь тому назад, уже чувствуют себя почти стариками рядом с молодежью, самоутверждающей и задорной, которая пришла после них.

Об этом хорошо говорит в своем стихотворении один из таких "стариков" Евгений Евтушенко:

...Приходят мальчики,

надменные и властные.

Они сжимают кулачки влажные

И, задыхаясь от смертельной сладости,

отважно обличают

мои слабости.

Спасибо, мальчики!

Давайте!

Будьте стойкими!

Вступайте в спор!

Держитесь на своем!

Переставая быть к другим жестокими,

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
быть молодыми мы перестаем...

Я возраст ощущаю со стыдливостью.

Вы - неразумнее,

но это не беда.

Ведь даже и в своей несправедливости

вы тоже справедливы иногда.

Давайте, мальчишки!

Но знайте:

старше станете,

и, зарекаясь ошибаться впредь,

от собственной жестокости устанете

и потихоньку будете добреть.

Другие мальчишки,

надменные и властные,

придут,

сжимая кулачки влажные,

и, задыхаясь от смертельной сладости,

обрушатся они

на ваши слабости... {20}

("Новый мир", июль 1962 г.)

Оглядывая вступающие в строй новые пополнения поэтов, нельзя не радоваться. Во всяком случае, средний уровень их значительно выше уровня дореволюционной поэзии, в которой очень большие поэты одиноко высились над довольно низкой порослью, состоявшей из талантливых поэтов-неудачников и холодных подражателей-ремесленников.

Правда, и теперь можно обнаружить немало примеров банальщины и подражательности. Однако наша молодежь все яснее сознает, что право на вход в литературу дают не перепевы, а подлинные мысли, чувства и наблюдения. Все меньше у нас литературной провинции, живущей отголосками и отходами искусства. Чтобы убедиться в этом, достаточно почитать книги и сборники, выходящие в краях, далеких от центров. В них находишь немало страниц, проникнутых тем чувством собственного достоинства, которое не позволяет человеку жить чужим умом и повторять уже знакомое.

Но, пожалуй, еще больше, чем удачам и успехам нашей молодежи, должны мы радоваться ее неуспокоенности, ее все возрастающей требовательности к себе.

В этом смысле очень показательна статья одного из молодых поэтов, Владимира Цыбина, написанная резко и горячо.

Автор статьи {"Литературная газета", 4 августа 1962 г, (Прим. автора.)} говорит:

"Вот уже наступило время, когда нам стало по двадцати восьми - тридцати двум годам. Мы перешагнули "лермонтовский", "есенинский" возраст. В наши годы уже были написаны "Тихий Дон", "Разгром". А что сделали мы? И по масштабу и по значению - неизмеримо меньше.

В чем же дело? Почему?.."

Ответить на это не так-то легко. Однако хорошо и то, что кое-кто из молодых поэтов задает себе этот вопрос. Хорошо, что молодежь не только мерится силами между собой, но и подвергает себя строгому экзамену, сравнивая свои успехи с тем, что успели сделать в ее возрасте крупные поэты и прозаики.

Кстати, автор статьи мог бы вспомнить и Александра Твардовского, которому и двадцати шести лет не было, когда он написал такую значительную поэму, как "Страна Муравия". Да и Владимира Маяковского, который был уже настоящим, вполне зрелым Маяковским в том возрасте, о котором идет речь в статье...

В этих заметках я хочу поделиться с читателями кое-какими своими впечатлениями от сборников стихов и отдельных стихотворений, прочитанных мною за последнее время.

Это, конечно, только впечатления; а не оценка. По-настоящему оценить поэта, как и всякого человека, с которым мы знакомимся, можно лишь с течением времени - после того, как он повернется к нам разными своими сторонами.

Пушкина долгое время - даже после того, как он написал "Евгения Онегина", - читающая публика и критика называли всего лишь певцом "Руслана и Людмилы", "Кавказского пленника" и "Бахчисарайского фонтана".

После "Стихов о Прекрасной Даме" и даже после "Нечаянной радости" еще трудно было увидеть в Александре Блоке автора стихов "Петроградское небо мутилось дождем...", "Под насыпью во рву некошеном..." и еще меньше "Двенадцати" и "Скифов".

А кто мог узнать в Антоше Чехонте будущего Антона Чехова?

Молодого поэта можно почувствовать или не почувствовать, принять его или не принять.

А рассматривать его стихи, как ученическую тетрадку, подчеркивая строчки и предостерегая автора восклицательными знаками на полях, - дело бесполезное, да и обидное, если только перед нами не первая робкая попытка начинающего.

Но человек, выступающий в печати, да не с отдельным стихотворением, а с целым сборником стихов, не может и не должен ждать скидки на молодость.

Мой друг, зачем о молодости лет

Ты объявляешь публике читающей?

Тот, кто еще не начал, - не поэт,

А кто уж начал, тот не начинающий {21}.

Есть много признаков того, что за последние годы наша поэзия заметно оживилась и помолодела.

Вероятно, этим она обязана, главным образом, освобождению от сурового ригоризма и догматизма, связанного с "культом личности".

Да к тому же все больше дает о себе знать такое простое, но великое явление, как всеобщая грамотность, охватившая всю нашу страну и бесконечно расширившая резервуар, из которого выходят писатели, ученые, изобретатели. Вместе с новыми пополнениями в литературу врывается, обогащая ее, говор и быт разных краев и областей. А то, что большинство народа состоит у нас из людей, связанных в нынешнем или в предыдущих поколениях с землей, с природой и с трудом, придает или еще должно придать нашей литературе новую силу и богатство.

Когда-то Пушкин и Лев Толстой учились языку у народа. Теперь народ как бы сам заговорил о себе.

Это с наибольшей очевидностью сказывается в поэзии Александра Твардовского.

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru

Младшее поколение поэтов еще не успело проявить себя в той же мере. Но уже сейчас ясно, что среди молодежи немало сильных и своеобразных дарований.

Как всегда во время нового подъема поэтической волны, в стихах молодых еще много пены. Ну что ж, неплохо окунуться в пену, обдающую свежестью.

Но надо помнить, что пена обманчива. Иной раз она бьет через край, создавая впечатление изобилия и глубины. А там, глядишь, пена схлынет, и тут окажется, что кое-где никакой глубины под ней и не было.

Пусть же молодой задор не мешает новым поколениям поэтов накапливать подлинное, а не мнимое богатство мыслей, чувств, наблюдений.

От этого только и зависит их дальнейшая судьба – судьба, а не карьера поэта.

Один из самых "пенистых" – и вместе с тем один из самых талантливых молодых поэтов – Андрей Вознесенский.

Он пишет размашисто, безоглядно, безудержно, порой опрометчиво, сталкивая различные эпохи и стили. Подчас он не заботится об укреплении своих позиций, веря, что его поймут и с полуслова.

Неизвестно, куда бы завело поэта стремление к остроте – движение "по лезвию", если бы его иной раз не спасали неожиданные при такой стремительности пристальность и зоркость.

Это особенно заметно в цикле стихотворений "Треугольная груша", который вызвал у нас столько споров.

В этом цикле автора часто "заносит", берет в плен игра созвучий, сумятица чувств и недовольных мыслей.

И вдруг нас останавливает меткий и точный образ:

Я сплю, ворочаюсь спросонок

В ячейках городских квартир.

Мой кот, как, радиоприемник,

Зеленым глазом ловит мир {22}.

А как поэтично изображено стекло аэропорта, который автор противопоставляет старым тяжеловесным зданиям Нью-Йорка:

Вместо каменных истуканов

Стынет стакан синевы

без стакана {23}.

Или:

...в аквариумном стекле

Небо,

приваренное к земле {24}.

Остро и до наглядности убедительно переданы ощущения поэта, когда американские "стукачи" – агенты ФБР снимают его своими фотоаппаратами врасплох, сквозь щелку, за разговором с пришедшей к нему гостьей, за едой и питьем,

17 объективов щелкали,

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
17 раз в дверную щелку

Я вылетал, как домовой,

Сквозь линзу – книзу головой!.. {25}

В поэзию наших молодых вполне законно и естественно врывается много современных понятий, научных и технических терминов.

Особенно это заметно у Вознесенского. Он как бы любит звучанием слов "парабола", "витраж", "дюралевый", "неон", "реторта", "аквариумный", "аккредитованный" и т. д.

Встречаются у него строфы, чуть ли не наполовину состоящие из слов иностранного происхождения,

Брезжат дюралевые витражи... {26}

Поневоле вспоминаешь чеховскую героиню с ее пристрастием к иностранным словам вроде "атмосферы" {27}.

Правда, современный язык не может обойтись без вошедших в нашу речь новейших терминов, из которых многие стали интернациональными.

В свое время и Пушкин смело вводил в русскую поэзию – к ужасу Шишкова и "Любителей русской словесности" {28} – новые слова, заимствованные из иностранных языков и уже вошедшие в русскую разговорную речь.

Но панталоны, фрак, жилет

Всех этих слов по-русски нет {29}.

Однако Пушкин никогда не щеголял модернизмами. Они были ему так же чужды, как и хвостовские архаизмы.

Времена менялись, менялся и ломался быт, и в русскую поэзию от Некрасова до Блока и Маяковского то и дело входили новые слова русского и нерусского происхождения. И все же – в лучших своих образцах – она сохраняла чистоту языка, не позволяла новым словообразованиям замутить – из щегольства или из стремления к новизне – русскую речь, драгоценное наследие веков.

Да и Вознесенскому такое щегольство свойственно далеко не всегда.

Мы знаем его как поэта, одаренного подлинным чувством русского языка и русской культуры.

Вспомним его поэму "Мастера" – о строителях храма Василия Блаженного.

Стихи о древнем мастерстве далеки у него от эстетского любования стариной, от стилизации, в которую впадали многие, оглядываясь на прошлое. Его старинные русские мастера – товарищи современных строителей, возводящих наши новые города. Василий Блаженный стоит у него рядом с новейшими стеклянно-металлическими конструкциями нынешнего и завтрашнего дня.

Он умеет отличать достойную уважения старину от доживающих свой век и давно уже переживших себя остатков прошлого.

С тонким мастерством и богатством словесных оттенков написан им портрет молодого парня – служки Загорской лавры.

Сопя носами сизыми

И подоткнувши рясы,

Кто смотрит телевизоры,

Кто просто точит лясы.

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
я рядом с бледным служкою

Сижу и тоже слушаю
Про денежки, про ладанки
И про родню на Ладого...
я говорю: – Эх! парень,
Тебе б дрова рубить,
На мотоцикле шпарить,
Девчат любить.
Тебе б не четки
И не кlobук,
Тебе б чечеткой
Дробить каблук.
Эх, вприсядку,
Чтоб пятки в небеса!
Уж больно девки падки
На синие глаза.
Он говорит: – Вестимо...
И прячет, словно вор,
Свой нестерпимо-синий,
Свои нестеровский взор.
И быстрою походкой
Уходит за решетку.
Мол, дружба – дружбой,
А служба – службой.
И колокол по парню
Гудит окрест.
Крест – на решетке.
На жизни
Крест {30}.

Здесь Вознесенский нашел точные, веские, незаменимые слова. Созвучия, которыми он играет, органичны и убедительны. Не случайно рифмуются "кlobук" и "каблук", "четки" с "чечеткой". Точно так же полны значения аллитерации в поэме "Мастера":

"Ваятели" – "Воители", "Кисти" – "Кистени".

Созвучия как бы облачают в плоть и подтверждают поэтическую мысль автора. Пользуясь аллитерациями, поэт как бы вскрывает самую структуру языка, в котором созвучия далеко не случайны. То, что близко по смыслу, близко и по звучанию: гром, гроза, грохот. А иные созвучия – иронические подчеркивают

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
противоположность понятий. Нельзя было сильнее скомпрометировать слово
"либерал", чем это сделал Денис Давыдов злою рифмой "обирало" - "либерала" {31}.

Такое опорочение, передразнивание слова смешным созвучием бывает не только в сатирической поэзии и в народном лубке. Им часто пользуется народ в разговорной речи.

У Андрея Вознесенского московские дьяки, издеваясь над вдохновенным и дерзким трудом строителей храма Василия Блаженного, прыскают в ладони: "Не храм, а срам!.."

Но как часто встречаешь у Вознесенского случайные, очень неглубокие созвучания - "купе" и "купаться", "анонимки" и "анемоны".

Конечно, нельзя да и не к чему накладывать запрет на такие мало значащие, модернистические аллитерации. Но совершенно очевидно, что именно эта легкая, поверхностная игра звуками порою заводит поэта - по его же собственному выражению - "куда-то не туда".

Слишком кудрявая, как бы зацветшая образами и созвучиями речь ведет к тому, о чем так гневно сказал когда-то Лев Толстой, получив письмо со стихами:

"Писать стихи - это все равно, что пахать и за сохой танцевать..." {32}

Особенно много случайных рифм и аллитераций в цикле стихотворений Вознесенского "Треугольная груша".

"Алкоголики" - "глаголешь", "прибитых" - "прибытие", "небесных ворот" "аэропорт".

Неизвестно, какое из слов в каждой из этих пар вызвало другое, созвучное ему: "прибитые" - "прибытие" или наоборот.

Вполне реалистично и убедительно сравнение аэропорта с "небесными воротами". Но в "Архитектурном отступлении" Вознесенского аэропорт - не просто ворота, а некий "апостол небесных ворот" (кроме того, что он еще и "автопортрет" поэта и "реторта неона"). А это настраивает автора на какой-то библейский, чуть ли не апокалиптический лад. Отсюда и алкоголики-ангелы, которым аэропорт нечто "глаголет", возвещая некое "Прибытие". Речь здесь идет о прибытии самолетов, но рядом с глаголом "возвещая" - да еще и с большой буквы - это слово звучит почти мистически.

Поэтическое воображение позволяет нам видеть в самых обычных явлениях нечто значительное, торжественное, даже таинственное. Но в "Треугольной груше" на непосредственные ощущения автора воздействует еще цепь звуковых ассоциаций, по-своему направляющая и отклоняющая в стороны поэтическую мысль. Он как бы пьянеет от аллитераций, найденных им же самим.

Вознесенский любит сближать идеи и понятия, которые Ломоносов называл "далековатыми". Что же, в этом-то и заключается задача и путь поэта - так же, как и ученого, который постигает мир, находя общее в явлениях, далеких одно от другого. Путь, а не самоцель.

И там, где это сближение у Вознесенского естественно и метко, оно доходит до ума и сердца читателя.

Вот отрывок из его "Сибирского блокнота":

Ты куда, попрыгунья

С молотком на боку?

Ты работала в ГУМе,

Ты махнула в тайгу...

Ты о елочки колешься.

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
Там, где лес колдовал,

Забиваешь ты колышки:

"Домна". "Цех". "Котлован".

Как в шекспировских актах

"лес". "Развалины". "Ров".

Героини в палатках.

Перекройка миров.

Казалось бы, что общего между колышками, отмечающими в тайге расположение будущих построек, и условными обозначениями места действия в театре Шекспира?

А между тем это меткое, осенившее автора сравнение придает подлинное величие скромному труду московской девушки, которой выпала честь обозначить колышками будущие стройки Сибири.

После этого так естественно звучат патетические строки, которыми кончается стихотворение:

Героини в палатках.

Перекройка миров.

Неожиданное сближение далеких образов и понятий находишь у Вознесенского и в цикле стихов "Треугольная груша". Но здесь оно далеко не всегда оправдано и убедительно. Вспомним "Отступление, в котором бьют женщину".

Бьют женщину. Блестит белок.

В машине темень и жара.

И бьются ноги в потолок,

Как белые прожектора.

Эта строфа своим четким ритмом, аллитерациями (бьют - блестит - белок бьются - белые) и глухими ударами мужских рифм выразительно передает и тесноту машины, в которой происходит избиение, и бешеную борьбу в тесноте и темноте.

Но не слишком ли это изысканно и литературно? Не слишком ли рассчитано на читателей из своего же поэтического цеха?

Несмотря на все ужасы изображенной сцены, она вряд ли кого-нибудь по-настоящему взволнует.

Бьют женщину. Так бьют рабынь.

Она в заплаканной красе

Срывает ручку, как рубильник,

Выбрасываясь на шоссе.

И взвизгивали тормоза.

К ней подбегали, тормоша.

И волочили и лупили

Лицом по лугу и крапиве...

Ничего не скажешь, - даже чересчур изобразительно и выразительно. Но почему-то все это больше похоже на пересказ эпизода из какого-то фильма, чем на

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
непосредственные впечатления от жестокого и безобразного зрелища.

Даже сцена избиения лошади в стихотворении Некрасова трогает и потрясает нас куда сильнее.

...Ноги как-то расставив широко,
Вся дымясь, оседая назад,
Лошадь только вздыхала глубоко
И глядела... (так люди глядят,
Покоряясь неправым нападкам)... {33}

К женщине, которую избивают в стихах Вознесенского, мы не чувствуем настоящего, сколько-нибудь глубокого сострадания, потому что ровно ничего не знаем о ней и видим только ее ноги, бьющиеся в потолок машины, "как белые прожектора".

Александр Блок не слишком много рассказал нам о женщине-самоубийце в стихотворении "Под насыпью во рву некошеном...".

Мы знаем только, что она "красивая и молодая" и что лежит она под железнодорожной насыпью "в цветном платке", на косы брошенном...".

Но как много говорят нам о ней немногие строчки:

Бывало, шла походкой чинною
На шум и свист за ближним лесом.
Всю обойдя платформу длинную,
Ждала, волнуясь, под навесом.
...Да что - давно уж сердце вынуто!

Так много отдано поклонов,
Так много жадных взоров кинута
В пустынные глаза вагонов...
Не подходите к ней с вопросами,
Вам все равно, а ей - довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена, - все больно.

Эти простые, поставленные в конце строфы да и в конце всего стихотворения - на падающем дыхании - слова "все больно" проникнуты такой глубокой, такой неподдельной скорбью.

Я знаю, что не следует противопоставлять одного поэта другому, особенно поэтов разных времен. У каждого из них свой мир, свой почерк, свои темы и ритмы.

И все же стоит иной раз напомнить современному поэту о глубине и высоте, достигнутой его предшественниками.

Разумеется, я далек от того, чтобы ставить рядом и сравнивать между собой неизвестную женщину, выбросившуюся из автомобиля в Нью-Йорке, и русскую пригородную девушку, жадно вглядывавшуюся в окна мимолетных поездов и раздавленную "любовью, грязью иль колесами".

Но нельзя не почувствовать, что в стихах, в которых так бесчеловечно избивают женщину, автор остается сторонним наблюдателем.

Сминая лунную купаву,

Бьют женщину...

Даже гневное восклицание поэта по адресу истязателя - "Стиляга, Чайльд-Гарольд, битюг!" - не согревает строк, в которых так мало непосредственности и человечности.

Кстати, совершенно непонятно, почему Чайльд-Гарольд попал в одну компанию со стилиягой и битюгом. Может быть, он и был в некотором смысле "стилиягой" своего времени, но уж с битюгом у него, кажется, нет ровно ничего общего.

В "Треугольной груше" есть и удачи. До предела впечатлительный поэт не мог не почувствовать всем своим существом разнузданность, растленность нью-йоркских вертепов, не мог не услышать в печальных и протяжных мелодиях негров, поющих низкими голосами, подавленную силу и тяжелую мужскую скорбь.

Однако все это тонет в какой-то истерической сумятице впечатлений и чувств.

Тот, кто ценит Андрея Вознесенского, его быструю мысль и остроту ощущений, не может закрывать глаза и на его слабости.

Надо помнить стихи Баратынского:

Когда по ребрам крепко стиснут

Пегас упрямым седоком,

Не горе, ежели прихлыстнут

Его критическим хлыстом {34}.

В мою задачу не входит обзор нашей молодой поэзии. Обозревать ряды поэтов, выстраивая их по росту и сравнивая между собой, могут только те, кто за лесом не видит деревьев, а потому не видит и леса.

Нельзя складывать поэтов и говорить об их сумме. Это американцы, любители больших сумм, придумали ансамбль из тридцати "girls" в расчете на то, что тридцать девушек пленят зрителей ровно в тридцать раз больше, чем одна.

И если я назову здесь несколько имен, то этот перечень отнюдь не охватывает всех поэтов, которых я считаю достойными внимания.

Я упомяну только тех, чье творчество представляется мне характерным примером в разговоре о путях нашей поэзии.

Из всех молодых поэтов, появившихся за последние годы, пожалуй, больше других сказал о себе и при этом с наибольшей открытостью Евгений Евтушенко.

Должно быть, поэтому его и заметили больше и раньше, чем многих других.

По традиции, проложенной Маяковским и так соответствующей революционной эпохе, Евтушенко и его сверстники завоевали на первых порах популярность устными выступлениями. Им были нужны не столько заочные читатели, сколько непосредственные и зримые слушатели, от которых можно ждать прямого и немедленного отклика. Это установило живую связь между поэтами и аудиторией и в какой-то степени помогло им освободиться от налета книжности, которым так часто покрывается лирическая поэзия.

Пожалуй, со времен Маяковского поэты никогда не собирали так много слушателей, особенно из среды молодежи, как в последние годы. Но эстрада, если она не трибуна, а только эстрада, таит в себе и немало опасностей. Очень часто она ведет к демагогии, к позерству, к поискам дешевого успеха. И нужна трезвая голова и подлинное чувство собственного достоинства, чтобы устоять, не поддаваясь "чаду упоительных похвал", о котором говорит в своих стихах Баратынский, чтобы

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
научиться отличать самые бурные аплодисменты от настоящей и серьезной оценки
поэтического труда.

Нечего греха таить, и в наше время не всегда легко молодому поэту (хоть и много
легче, чем поэтам предшествующих поколений) пробиться к читателю. Иной раз для
этого ему приходится изрядно поработать кулаками. И очень часто мы видим сначала
кулаки этого пробивающего себе дорогу поэта, а потом уже и его самого.

Такими "кулаками" были, например стихи молодого Валерия Брюсова - "О, закрой
свои бледные ноги!", - в которых еще нельзя было провидеть классически
уравновешенного Брюсова поздних лет.

Аудитория, состоящая из молодежи, раньше признала Евтушенко, чем мы, люди более
зрелого возраста. Что-то демагогическое, бьющее на эффект, какое-то
самолюбование, а порой нескромная интимность заставляли нас настораживаться при
чтении его стихов, изредка и случайно доходивших до нас.

Что-то изнеженное, родственное Игорю Северянину, а то и Вертинскому {33},
чувствовалось иной раз в его стихах:

...И, улыбаясь как-то сломанно

И плача где-то в глубине,

Маслины косточку соленую

Губами протянула мне... {36}

Но день за днем мы стали все больше узнавать Евгения Евтушенко, поэта
разнообразного, неровного, может быть, еще не вполне проявившего себя, но всегда
внятного и заставляющего прислушиваться к своему голосу.

Хорошо сделала "Молодая гвардия", выпустив в этом году довольно большой том его
стихов {37}.

Многое в этом сборнике оказалось для меня - думаю, к цля других читателей -
неожиданным и новым.

По первым своим впечатлениям я никак не ожидал от Евтушенко таких полновесных и
зрелых стихов, как, например, "Глубина".

Я не могу отказаться от желания процитировать их здесь полностью:

Будил захвоенные дали

рев парохода поутру,

а мы на палубе стояли

и наблюдали Ангару.

Она летела одаренно,

в дно просвечивало в ней

сквозь толщу волн светло-зеленых

цветными пятнами камней.

Порою, если верить глазу,

могло казаться на пути,

что дна легко коснешься сразу.

лишь в воду руку опусти.

Пусть было здесь немало метров,

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru

но так вода была ясна,
что оставалась неприметной
ее большая глубина.
Я знаю: есть норой опасность
в незамутненности волны
ведь ручейков журчащих ясность
отнюдь не признак глубины.
Но и другое мне знакомо,
и я не ставлю ни во грош
бессмысленно-глубокий омут,
где ни черта не разберешь.
И я хотел бы стать волною
реки, зарей пробитой вкось,
с неизмеримой глубиною
и с каждым
камешком
насквозь!

Было бы хорошо, если бы Евтушенко всегда помнил эти строчки:

...с неизмеримой глубиною
и с каждым камешком насквозь!

В этих прозрачных до дна стихах Евтушенко следует основному направлению русской поэзии, ясной и глубокой, верной пушкинскому началу.

И вместе с тем он умеет остро чувствовать время, наш сегодняшний день.

Есть у него трогательные и умные "тихи - о "временном":

Рассматривайте временность гуманно.
На все невечное бросать не надо тень.
Есть временность недельного обмана
потемкинских поспешных деревень.
Но ставят и временки-общезитья,
пока домов не выстроят других...
Вы после тихой смерти их
скажите
спасибо честной временности их {38}.

Евгению Евтушенко удалось здесь передать без громких слов ту обстановку строящейся страны, образ которой дал и Андрей Вознесенский в отличных стихах "Из

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
Сибирского блокнота".

Такую же вдумчивость и сосредоточенность мы находим в стихах Евтушенко, посвященных родной природе:

...В грузовике на россыпях зерна

куда-то еду,

вылезаю где-то,

вхожу в тайгу,

разглядываю лето

и удивляюсь, как земля земна!

...Все говорит как будто:

"Будь мудрее

и в то же время слишком не мудри!.." {39}

Порт не только любит природу, но и как бы сам чувствует себя частью русской природы. Недаром же так органично, так естественно рифмуются в его стихах о Волге слова _"России"_ и _"меня растили"_, а в другом стихотворении - _"российскому"_ и _"росистому"_.
Ведь рифмы - не побрякушки, не внешние украшения стихотворных строчек. По рифмам и ритму можно иной раз безошибочно судить о степени искренности автора.

В стихах "Русская природа" Евтушенко говорит:

я не умру!

Ты, как природу русскую,

природа русская,

прими в себя!

Это мужественное отношение к смерти не случайно в нашей молодой поэзии. Его можно найти и у другого поэта, которого, впрочем, сейчас уже нельзя причислить к "молодым", - у Евгения Винокурова:

я, как в воду, войду в природу,

и она сомкнется надо мной... {40}

Может быть, читая приведенные здесь строгие и ясные, чуждые внешних эффектов строки Евгения Евтушенко, кое-кто и не узнает его. Где тут свойственный ему буйный молодой задор, его разговорно-интимные интонации?

Какие девочки в Париже

ай-ай-ай!

Какие девочки в Париже

просто жарко!..

Из этих стихов ("Парижские девочки") мы узнаем, что с парижской точки зрения

стиляжек наших платья - дилетантские

и что у настоящих - парижских - "стиляжек" голубые волосы и ковбойские брючки.

По словам Евтушенко, при виде парижских девочек, покачивающих "мастерски

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
боками", он и его спутники вылезли "в окно автобуса по пояс"

И кое-кто из членов делегации,
про бдительность забыв, разинул рот.

Но вот на улицах Монмартра появляется девушка, "вся строгая",
с глазами красноярскими гранитными
и шрамом, чуть заметным над губой.

Она так не похожа на "парижских девочек", что Монмартр замирает при ее
появлении, а поэт восторженно восклицает:

Всей Франции

она не по карману.

Эй, улицы,

понятно это вам?!

Неужели Евтушенко и в самом деле думал, что эта громко сказанная фраза "Всей
Франции она не по карману" может быть воспринята, как лестная аттестация строгой
красноярской девушки?

Здесь мы опять встречаемся с тем эстрадным Евтушенко, который не жалеет
пряностей при изготовлении горячих и острых блюд.

А между тем в его парижском цикле мы находим такие превосходные стихи, как
"Верлен".

...Плохая память у Парижа,
и, как сам бог теперь велел,
у буржуа на полках книжных
стоит веленевый Верлен...

Естественны, метки и сатирически значительны и рифмы и аллитерации в этом
четверостишии ("веленевый" - "верлен"). Это не то, что "кокосы" "кокотки" и
"луковый" - "лукавый" в других его стихах.

Стихотворение о Вердене подымается до высокого обличительного пафоса:

Вы под Верлена выпиваете
с набитым плотно животом.
Вы всех поэтов убиваете,
чтобы цитировать потом!

Столь же значительно и остро современно другое стихотворение из того же
заграничного цикла - "Тень".

Вниманье, парижское утро!
Вдоль окон быстро и кафе
проходит по улице "ультра",
обмотанный пестрым кашне...
Глаза он под шляпою прячет,

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
и каждую ночь или день

у дома Тореза маячит

его осторожная тень...

Ажаны от страха немеют,

С ней встретясь в полночную темь.

Не только маячить умеет

умеет стрелять эта тень...

И кончаются эти слова сильной и действенной строфой:

Париж, не поддайся смятенью.

Я верю - сомкнувшись тесней,

Расправишься с этою тенью

Ты, город великих теней!

Как убедительно звучит здесь обычная у Евтушенко игра слов - "_тень_" и "город великих _теней_"!

Этот пример лишней раз показывает, что и рифмы, и аллитерации, и словесная игра оправдывают себя лишь в тех случаях, когда они мобилизованы поэтической мыслью, а не слоняются без дела.

Евтушенко пишет много и разнообразно. И он не прочь поиграть и даже подчас щегольнуть аллитерациями. Но он не опутывает себя их сетями настолько, чтобы потерять возможность свободного и толкового разговора с читателем. Он отзывается на самые острые темы сегодняшнего дня.

Это существенная и важная черта его дарования. Без живой связи с обществом, со своей страной и миром, без чувства гражданственности немислим настоящий поэт.

Но широта интересов идет порой у Евтушенко в ущерб глубине, в ущерб той сосредоточенности, которая составляет главнейшее условие поэтической мысли.

Читая многие его стихи, задаешь себе иной раз вопрос: почему те же мысли не изложены прозой?

Это чаще всего относится к его стихам, в которых за смысловой темой не чувствуется темы музыкальной.

И я думаю, что не ошибусь, если скажу, что размеры и ритмы у него часто случайны, а иной раз и расходятся с содержанием.

То его стихи (по всей вероятности, нечаянно) ложатся на мотив уличной песенки "Купите бублики", то в них слышатся полузабытые "кирпичики".

Он не задумывается над выбором стихотворных размеров, и они часто подводят его.

Возьмите стихотворение на такую значительную тему, как "Песни революции":

...Купите сборники.

Перечитайте пристально.

Не раз, не два должны вы их прочесть.

Себе вы напевайте

вслух и мысленно

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
и вашим детям,

если дети есть.

Услышите вы

скорбное и дальнее

тяжелое брнчание кандальное.

Увидите вы

схваченных и скрученных,

истерзанных,

расстрелянных,

замученных.

Не приторным и ложным гимнам времени

они своим

заветным песням верили,

Они их пели,

крадучись,

вполголоса.

Им было петь не в полный голос

горестно...

Кто узнает в этих унылых и однообразных ритмах Революцию, которая и в самые тяжелые свои годы была полна энергии, жизни, веры в победу? Сравните эти вялые строки с подлинными песнями революции. Ведь даже "Похоронный марш" звучал величаво, бодро, во славу жизни.

А здесь мы читаем:

Увидите вы схваченных и скрученных,

истерзанных,

расстрелянных,

замученных.

По интонации это скорее похоже на песню нищих слепцов, просящих подаяния, чем на стихи о песнях революции.

А уж неверная музыкальная настроенность неизбежно ведет автора ко множеству ошибок и неточностей.

Неужели до революции революционные песни пелись только вполголоса? И разве нельзя было придумать для гимнов царского времени более меткие эпитеты, чем "приторные и ложные"? А как искусственно и надуманно звучит строчка:

Им было петь не в полный голос

горестно...

Я остановился так подробно на этом стихотворении, далеко не самом типичном для Евгения Евтушенко, отнюдь не из желания выставить напоказ его слабые строчки.

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
Но расхождение ритма и содержания, столь заметное в этом стихотворении, для него не случайно.

И это объясняется прежде всего отсутствием сосредоточенности.

В лучших стихах размеры, ритмы, интонации рождаются вместе с поэтической мыслью.

Вы не можете себе представить "На холмах Грузии" Пушкина, "Выхожу один я на дорогу..." Лермонтова или "Незнакомку" Блока написанными в другом размере и ритме. Музыкальная их тема возникла вместе со смысловой.

"Не искушай меня без нужды..." Баратынского так и родилось в форме романса. Оно было романсом еще до того, как на него была написана знаменитая музыка.

Наши великие поэты знали, в каком ключе, роде, жанре они пишут. И каждое их стихотворение было не только поэтическим, но и музыкальным произведением.

То "бормотание", которое предшествовало у Маяковского писанию стихов, было, по всей видимости, нужно ему для выбора того или иного размера и ритма.

Этот выбор не должен быть случайным. Надо быть уверенным, что возок, на котором вы едете, – по выражению Некрасова – "спокоен, прочен и легок" {41} и доведет вас до цели, – как уверен был Данте, что его терцины могут с честью служить ему на протяжении всей его трилогии.

Многие из наших молодых поэтов берут случайные размеры – такие, какие бог на душу положит.

Грешит этим – правда, далеко не всегда – и Евгений Евтушенко...

О Шекспире

"Слова, слова, слова", – говорит Гамлет, отвечая на вопрос, что он читает.

Слова, слова, слова – часто говорим и мы, читая многие написанные до нас и в наше время книги.

Слов, произносимых и печатаемых, становится с каждым веком, десятилетием и даже годом все больше и больше. Кажется, это непрестанно размножающееся говорящее племя грозит утопить нас в море бумаги. Созданные людьми по их образу и подобию, слова, словосочетания и целые книги унаследовали от людей их нравы, повадки и характеры. Есть книги умные и глупые, добрые и злые, тихие и кричащие, скромные и честолюбивые, есть книги – друзья человечества, а есть и враги, даже книги-людоеды. Но, пожалуй, больше всего на свете равнодушных книг, о которых только и можно сказать: "слова, слова, слова".

Люди сыты словами, люди все больше и больше перестают им верить. Происходит обесценение слов, инфляция, подобная денежной инфляции. Однако, по счастью, у этого плодovitого словесного племени наблюдается не только рождаемость, но и смертность. Как и люди, книги стареют, дряхлеют и умирают.

В томах и томиках, мирно стоящих на полках, происходит какой-то непрестанный и незаметный для глаз процесс: во многих из них явственно проступает скелет, обнажаются мелкие, своекорыстные, демагогические, плохо спрятанные побуждения автора, и они становятся неинтересными, а иной раз даже отталкивающими.

Но, пожалуй, еще чаще недолговечность их объясняется тем, что они тонут, как в реке забвения Лете, в массе подобных им книг.

Давайте же сегодня – в дни Шекспировского юбилея – посмотрим свежими и непредубежденными глазами, жив ли, здоров ли и жизнеспособен ли наш 400-летний юбиляр, или же он остается в музеях и университетах только потому, что был когда-то признан великим, что ему поставлены памятники и что библиотека посвященных ему научных трудов пополняется с каждым годом.

В разные времена бывали люди, которые пытались поколебать авторитет Шекспира, посмотреть, уж не голый ли это король. Как известно, Вольтер и другие французские писатели XVIII века считали его гениальным, но лишенным хорошего

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
вкуса и знания правил. А величайший писатель девятнадцатого и начала двадцатого века, оказавший огромное влияние на умы своих современников и последующих поколений во всем мире, Лев Толстой, – особенно в последние годы своей жизни – попросту не верил Шекспиру, считал его драматические коллизии неправдоподобными, а речи его героев неестественными, вычурными и ходульными.

Жизнь – диалектична, и каждый знаменитый писатель должен быть готов к тому, что последующие поколения посмотрят на него со своей точки зрения, что в одну эпоху он будет на ущербе, в другую его не будет видно совсем, а в третью он засияет полным своим блеском.

Так было и с Шекспиром. Чего только о нем не говорили, чего только не писали! И наконец совсем было потеряли его как личность, распространив среди широких кругов читателей ничем не доказанное убеждение в том, что Шекспир был не Шекспиром, а кем-то другим. В этом меньше всего повинно серьезное шекспироведение. Но достаточно высказать сомнение в чем-либо, чтобы оно распространилось и даже укоренилось глубже, чем точно проверенные факты.

В ту пору, когда автором произведений Шекспира называли то Бэкона, то графа Редклиффа, то графа Дэрби, то Марло (и даже королеву Елизавету!), виднейший русский писатель Максим Горький говорил:

– У народа опять хотят отнять его гения.

Однако, насколько мне известно, авторы оригинальных и сенсационных гипотез, касающихся личности Шекспира, постепенно перестают кружить над ним стаями и не омрачат для миллионов читателей земного шара шекспировских торжеств этого года.

Юбилейные даты не назначаются людьми по произволу. Но для чествования памяти Шекспира, пожалуй, нельзя было выбрать более подходящее время, чем наше, полное великих коллизий и потрясений.

Если в прошлом одним критикам казалось безвкусным, а другим неестественным и неправдоподобным нагромождение ужасов, интриг, преступлений и кровопролитий в трагедиях и хрониках великого драматурга, то наш век полностью оправдал его. Время оказалось лучшим его комментатором. Оно вернее всех литературоведов раскрыло нам глаза на загадку Калибана, заставило наших современников ценою своего опыта понять, в чем сущность трагедии юного Гамлета, диалектически разрешить многие противоречия в речах и поступках героев трагедий.

Одно время казалось, что, по сравнению с очень сложными характерами в романах конца XIX и начала XX века, характеры персонажей Шекспира бедны, чуть ли не примитивны.

Революционные эпохи резко отличаются от тех, когда люди едва замечают замедленный ход истории, не чувствуя подземных толчков и забывая, что эволюция неизбежно прерывается время от времени взрывами революций.

Вот почему нам легче понять Шекспира, чем нашим отцам и дедам. Нам довелось увидеть собственными глазами и ощутить всем своим существом крутые повороты истории.

В такую эпоху, полную действия, в котором одни принимают участие добровольно и по убеждению, а другие поневоле, нам кажутся убедительными шекспировские контрасты. Мы, понимаем, что у его героев характеры не менее сложны, чем у персонажей в романах более мирных и спокойных лет, и даже превосходят их в сложности, но в действии, в борьбе проявляются не все, а главные человеческие черты.

Но этот правдивейший из портов особенно дорог людям нашего времени своим великим оптимизмом – противопоставлением Гамлета, Ромео, Джульетты, Дездемоны, – отчиму и матери Гамлета, Макбету, Ричарду Третьему, Гонерилье и Регане {1}.

Это не наивный оптимизм поэт романтиков разных времен, обольстивших и обманувших своими иллюзиями не одно поколение.

Шекспир остается оптимистом в конечном итоге, за вычетом всего жестокого, страшного и мрачного, что он знал и рассказал о человечестве. Но он верил, что в

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
конце концов Человек с большой буквы преодолет Калибана.

В наши дни Шекспир кажется понятнее и современнее многих писателей
девятнадцатого и даже нынешнего века.

Сейчас во время новой вспышки звериного расизма красноречивее, чем заповедь
"Люби ближнего", звучат слова Шейлока: "Когда нас колют, разве у нас не идет
кровь, нас щечкочут, разве мы не смеемся, когда нам дают яд, разве мы не
умираем?.."

Чернокожий африканец Отелло, ревность которого раздувает, как пламя, искусный
интриган Яго, навсегда сохраняет в глазах читателей и зрителей свой величавый и
благородный человеческий облик.

В вашей стране Шекспира ценят и любят давно. Величайший русский поэт говорил о
нем: "Наш отец Шекспир". Первый и лучший из русских критиков Белинский был его
восторженным почитателем.

Но только после революции, которая сделала грамотным все многомиллионное
население Советского Союза, Шекспир стал достоянием всех читающих и мыслящих
граждан нашей страны. Нет театра, который бы не ставил его пьес, нет городс, и
сельской библиотеки, где бы не было Шекспира.

Мне лично выпали на долю счастье и большая ответственность - перевести на
русский язык лирику Шекспира, его сонеты.

Не мне судить о качестве моих переводов, но я могу отметить с удовлетворением,
что "Сонеты" расходятся у нас в тиражах, немыслимых в другое время и в другой
стране. Их читают и любят и ценители поэзии, и самые простые люди в городах и
деревнях.

Шекспира часто трактовали как психолога, глубокого Знатока человеческой природы.
Сонеты помогли многим понять, что он прежде всего поэт и в своих трагедиях...

Некоторые из критиков, весьма положительно оценивая мои переводы сонетов
Шекспира, в то же время очень деликатно и довольно бегло упрекают меня в том,
что я будто бы слишком "просветляю" Шекспира, лишая его известной темноты и
загадочности.

При этом они неизменно ссылаются на то, что я и в оригинальных своих стихах
люблю ясность, прозрачность и лаконизм.

Но справедлив ли их упрек? Полагаю, что нет.

В тех отдельных местах текста, которые остаются загадочными и для всех
современных комментаторов (как, например, "Свое затмение смертная луна пережила
назло пророкам лживым" - сонет 107-й), я целиком сохраняю Загадку, не пытаюсь ее
расшифровывать.

Иначе обстоит дело с распространенным предложением или целым периодом. _Как
переводить непонятное_? Слово за словом, как переводят речь умалишенного?

Что же, придумывать что-нибудь свое непонятное?

Вспомните чеховскую акушерку Змеюкину, которая говорила о непонятном примерно
так (цитирую по памяти):

"Они хотят свою образованность показать и потому говорят о непонятном..."

Работая над переводом, я вникал в каждую строчку Шекспира - и в ее смысловое
значение, и в звучание, и в совпадения с пьесами Шекспира. Мне казалось, что у
меня в руках собственноручное завещание Шекспира.

Вероятно, после прежних корявых и косноязычных переводов сонетов мой перевод мог
показаться слишком свободным, естественным, живым?

Но ведь и в оригинале в сонетах звучит устная, непринужденная _светская_ речь -
светская, как у Пушкина, как у всех поэтов Возрождения, а не семинаристских

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
периодов литературы, когда "душили трагедией в углу".

Чем же объясняется моя большая ясность и отчетливость по сравнению с оригиналом?

1) Язык Шекспира, хоть в общем он понятен англичанам, несколько архаичен. А я пишу современным русским языком (хоть и всячески избегаю неуместных модернизмов).

2) Русские слова гораздо длиннее английских. Поэтому приходится чем-то жертвовать. Я жертвую некоторыми эвфуистическими украшениями. От этого - и большая ясность.

Мне было бы жаль, если бы некоторым критикам удалось подорвать доверие русских читателей (а их миллионы) к моему Шекспиру...

ПРИМЕЧАНИЯ

Из незавершенного

Война трех дворов. - Первый из цикла рассказов о детских годах поэта, задуманного Маршаком в середине 1920-х годов. В рассказах должны были действовать одни и те же "сквозные" персонажи: товарищи детских игр в слободе на Майдане - Митрошка-горбун, Митюха Гамаюн и другие ребята.

Работа над рассказом была начата примерно в 1924 году, но часто прерывалась на долгое время: сохранилось семь вариантов начала рассказа. Последний, самый полный, вариант рассказа написан приблизительно в 1930 году.

В 1957 году Маршак просмотрел машинопись рассказа, но никаких исправлений в текст его не внес.

Печатается по черновому автографу приблизительно 1930 года.

Горбун. - Из цикла рассказов о детских годах Маршака. Рассказ датирован: "Токсово, 1930 г.", следовательно, написан в июле - августе 1930 года.

Печатается по черновому автографу.

. - Из цикла рассказов о детских годах Маршака. В рукописи расположен вслед за предыдущим рассказом.

Печатается по черновому автографу приблизительно 1930 года.

Второгодник Баландин. - Из цикла рассказов о детских годах Маршака.

Печатается по черновому автографу приблизительно 1930 года.

. - Прозаический вариант сказки для детей в стихах "Приключения Мурзилки" (см. т. 2, наст. изд.).

1 Мурзилка - эльф, персонаж из книги А. Б. Хвольсон "Царство малюток. Приключения Мурзилки и лесных человечков", СПб.-М. 1898.

С. Маршак высоко ценил фольклорную основу книги, но относился критически к этому дореволюционному русскому изданию. Он намеревался написать новую большую книгу о Мурзилках.

Печатается по черновому незаконченному автографу.

О любовной лирике. - Публикуется впервые.

Неоконченная статья.

1 Речь идет о подборке стихов Н. Грибачева, В. Тушновой, Л. Ошанина, Е. Евтушенко, опубликованной в "Литературной газете", 1953, э 52, 1 мая.

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
2 Из поэмы В. В. Маяковского "Во весь голос".

3 Из стихотворения А. С. Пушкина "На холмах Грузии лежит ночная мгла...".

4 Из поэмы В. В. Маяковского "Люблю".

5 С. Я. Маршак цитирует 32 сонет В. Шекспира.

Печатается по черновому автографу, который условно можно датировать 1953 годом (на основе ссылки на подборку стихов, опубликованных "Литературной газетой").

. - Посмертно опубликовано в журнале "Новый мир", 1965, э 9, сентябрь.

В архиве С. Я. Маршака сохранились заготовки для статьи о молодых поэтах, с которой он намеревался обратиться к Всесоюзному совещанию, посвященному работе молодых писателей (1962).

Позднее он продолжал писать статью, "не связывая ее с каким-нибудь определенным поводом или датой" (см. преамбулу И. С. Маршака, подготовившего публикацию статьи в "Новом мире", 1965, э 9, сентябрь). Судя по воспоминаниям И. С. Маршака, а также по сохранившимся в папке выпискам из сборников, по упомянутому в статье газетному выступлению В. Цыбина, работа над статьей шла в период с начала июня по декабрь 1962 года.

Заготовки представляют собой 5 самостоятельных отрывков:

I. Машинопись с правкой автора и продолжающей ее рукописный автограф со сквозной пагинацией. (Печатается полностью.)

II. Два черновых автографа, один из них более ранний и полный (весь текст отрывка), второй – новая редакция половины первого автографа. Пять последних фраз повторяют текст I отрывка.

Печатается ранний автограф с учетом позднейшей правки. Пять последних фраз копируются.

III. Черновой автограф с авторской пагинацией. Печатается полностью.

IV. Черновой автограф, часть текста совпадает с I отрывком. Печатается с купированием текста, повторяющего текст I отрывка.

V. Машинописный автограф и продолжающий его незаконченный черновой автограф. Этот отрывок, по свидетельству И. С. Маршака, представляет собой первоначальный вариант статьи. Судя по сохранившимся подготовительным материалам (выписки из стихов), С. Я. Маршак собирался дать анализ стихотворений Б. Ахмадулиной, В. Берестова, Р. Казаковой, Н. Коржавина, Ст. Куняева, Н. Матвеевой, Ю. Мориц, Р. Рождественского. Существует опубликованная статья о творчестве Е. Винокурова ("Уверенная поступь". "Известия", 1963, э 17, 19 января). Она хранится в папке, на которой рукой С. Я. Маршака написано: "Отрывок из "материалов о стихах молодых".

Печатаются оба автографа.

Отрывки публикуются в той последовательности, в какой, по свидетельству сына поэта, И. С. Маршака, намеревался печатать их автор.

1 Из басни Ивана Ивановича Дмитриева (1760–1837) "Петух, кот и мышонок".

2 Игорь Северянин (псевдоним Игоря Васильевича Лотарева, 1887–1941) русский поэт, представитель эгофутуризма.

3 Публикация последних стихов И. Северянина появилась в журнале "Огонек", 1962, э 29, стр. 20 (вступит, заметка Б. В. Смиренского). Ранее см. журнал "Красная новь", 1941, э 3 ("Привет Союзу", "Стихи о реках").

4 Из стихотворения Евгения Абрамовича Баратынского (1800–1844) к*** ("Не бойся едких осуждений..."). Далее цитируется это стихотворение.

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
5 Бенедиктов Владимир Григорьевич (1807-1873) – русский поэт. Шумный успех, сопровождавший выход его сборника "Стихотворения" (1835), оказался преходящим.

6 Арцыбашев Михаил Петрович (1878–1927) – русский писатель, представитель упадочной литературы начала XX века. Его роман "Санин" получил скандальную известность.

7 Из романа А. С. Пушкина "Евгений Онегин".

8 Из драмы А. С. Пушкина "Борис Годунов".

9 Письмо Б. Л. Пастернака в архиве С. Я. Маршака не сохранилось. По всей вероятности, письмо относится к моменту работы Пастернака над "Каруселью" (Гос. изд., Л. 1926) – книгой стихов для детей. В библиотеке Маршака хранятся "Избранные стихи" Бориса Пастернака (М. 1926) с дарственной надписью: "Самуилу Яковлевичу Маршаку в память лета, когда я ему надоедал, дань восхищения его "Мышонком". Б. Пастернак, I.VIII/26".

10 Речь идет о стихотворении А. А. Блока "На железной дороге".

11 Из стихотворения А. А. Блока "Ты помнишь? В нашей бухте сонной..." ("Разные стихи", 1908–1916).

12 Из поэмы В. В. Маяковского "Во весь голос".

13 Публий Овидий Назон (43 г. до н. э. – 17 г. н. э.) – римский поэт.

14 С. Я. Маршак цитирует эпиграмму А. С. Пушкина "Хоть, впрочем, он поэт изрядный..." (1821).

15 Из 1 сонета В. Шекспира ("О, как ты прав, судьбу мою браня...").

16 С. Я. Маршак имеет в виду стихотворение В. В. Маяковского "Разговор с фининспектором о поэзии". У Маяковского: "мелочишка суффиксов и флексий в пустующей кассе склонений и спряжений...".

17 Минаев Дмитрий Дмитриевич (1835–1889) – русский поэт–сатирик некрасовской школы. Славился как "король рифмы". В области каламбурной рифмы был одним из предшественников Маяковского.

18 Из поэмы В. В. Маяковского "Хорошо".

19 Эпиграмма на гр. Орлову–Чесменскую, приписываемая А. С. Пушкину.

20 Из стихотворения Е. Евтушенко "Давайте, мальчики!".

21 Стихотворение С. Я. Маршака "Начинающему поэту".

В одном из черновых вариантов статьи далее следует: "В сущности, таким запоздалым несовершеннолетием страдают не только молодые литераторы, но и многие из нашей молодежи. Взрослые парни и девушки часто называют себя уменьшительными именами – Васей, Шурой, Наташей, Дусей. Вероятно, ответственность за это несет и семья и школа. Родители и учителя иной раз не замечают, что с какого-то момента перед ними уже не мальчики в коротких штанишках и не девочки в коротких платьицах, а взрослые люди, отвечающие за свои поступки. Надо еще с младших классов, а в старших и подавно, относиться к ним с подлинным уважением. Тогда они и сами будут больше уважать себя, и вовремя перестанут считать себя детьми.

Уважительно и требовательно должны мы относиться и к пашей литературной молодежи..."

22 Из стихотворения А. Вознесенского "Антимиры" (сб. "Треугольная груша").

23 Из стихотворения А. Вознесенского "Ночной аэропорт в Нью-Йорке".

24 Оттуда же.

25 Из стихотворения А. Вознесенского "Вынужденное отступление".

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru

26 Из стихотворения А. Вознесенского "Ночной аэропорт в Нью-Йорке".

27 Речь идет о Змеюкиной, персонаже чеховского водевиля "Свадьба".

"Шишков Александр Семенович (1754-1841) - русский писатель в государственный деятель. Возглавлял общество "Беседа любителей русского слова", которое славилось ревностной заботой о чистоте русского языка и выступало против Карамзина с его ориентацией на расширение лексической базы русского литературного языка и упрощение синтаксических конструкций.

29 Из романа А. С. Пушкина "Евгений Онегин".

30 Речь идет о стихотворении А. Вознесенского "Загорская лавра".

31 Из стихотворения Дениса Васильевича Давыдова (1784-1839) "Современная песня".

32 См. письмо Л. Н. Толстого С. В. Гаврилову (14 января 1908 г. Ясная Поляна): "Я вообще считаю, что слово, служащее выражением мысли, истины, проявления духа, есть такое важное дело, что примешивать к нему соображения о размере, ритме и рифме и жертвовать для них ясностью и простотой есть кощунство и такой же неразумный поступок, каким был бы поступок пахаря, который, идя за плугом, выделывал бы танцевальные па, нарушая этим прямооту и правильность борозды" (Л. Н. Толстой о литературе. Статьи, письма, дневники", Гослитиздат, М. 1955, стр. 588).

33 Из цикла Н. А. Некрасова "О погоде" ("До сумерек").

34 Из стихотворения Е. А. Баратынского "к***" ("Не бойся едких осуждений...").

35 Вертинский Александр Николаевич (1889-1957) - русский артист эстрады, поэт и композитор, создатель жанра музыкальной новеллы.

36 Из стихотворения Е. Евтушенко "В вагоне шаркают и шамают...".

37 Речь идет о сборнике Е. Евтушенко "Взмах руки", "Молодая гвардия", М. 1962.

38 Из стихотворения Е. Евтушенко "Рассматривайте временность гуманно..." (сб. "Взмах руки").

39 Из стихотворения Е. Евтушенко "Партизанские могилы" (там же).

40 Из стихотворения Е. Винокурова "Природа" (сб. "Лирика", Гослитиздат, М. 1962).

41 Из поэмы Н. А. Некрасова "Русские женщины (Декабристки)".

. - Судя по сохранившимся в архиве материалам, работа над статьей была начата примерно в январе 1964 года (первый по времени фрагмент - "Слова, слова, слова..." - был продиктован Л. Я. Преис 12/1 - 1964 г.) в связи с подготовкой к празднованию четырехсотлетней шекспировской годовщины.

Публикуются три сохранившихся фрагмента.

Первый из них имеет два автографа: черновой (записанный под диктовку С. Маршака рукой Л. Я. Преис) и более поздний, машинописный, с авторской правкой, продолженный рукописным черновиком. Текст дается по второму автографу.

Второй отрывок - неоконченный черновой автограф, в котором последняя строка неразборчива.

Третий - черновой автограф.

1 Гонерилья и Регана - дочери короля Лира, персонажи трагедии "Король Лир".

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://marshaksamui1.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,

Из незавершенного. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamuil.ru
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!